

ИБИС

**Альманах
№ 28**

- **Этика**
- **Эзотерика**
- **Литература**
- **Философия**
- **Медицина**
- **Наука**

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты.

Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

*Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и т.д., и т.п.*

Содержание:

№ файла

● 1-я страница обложки	01
● 2-я страница обложки	02
● Эпиграф к журналу	03
● Сначала прочтите это	04
● Основные вопросы Бытия через ясновидение — А. Метельский (продолжение)	05
● Уникальный рассказ похищенного инопланетянами	06
● Эзотерика о причинах болезней сердца — Группа экспертов	07
● Человека можно передать по лучу!	08
● Очерки преступного мира — В. Шаламов (продолж.)	09
● О некоторых воплощениях современной певицы — А. Кириллов	10
● Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": о нашем времени и ближайшем будущем?.. (продолжение)	11
● "Альтист Данилов" (продолжение)	12
● Продолжение "Альтиста Данилова" — "Шеврикука, или Любовь к привидениям"	13
● Стихотворение из будущего — А. Прийма	14
● Философема	15
● Цитата номера	16
● 3-я страница обложки	17
● 4-я страница обложки	18

**"Самого себя как целого
можно достичь только если
полностью понимаешь, что
обычный мир — это просто
точка зрения, независимо от
того, принадлежит ли она
обычному человеку или магу.**

*** * ***

**После целой жизни
борьбы я знаю, что по-
настоящему важным является
не просто научиться новому
описанию мира, но прибыть к
нему целым: следует прибыть
к нагуалю, не покалечив
тоналя, и превыше всего — не
покалечив своего тела."**

Дон Хуан
*(К. Кастанеда,
"Сказки о силе")*

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение кадуцея придано рубрике "Медицина", изображение строения атома — рубрике "Наука", и так далее. Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную — трёхлепестковое пламя над чашей. Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё, и т.п. Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не хуже военной приёмки...

Ниже примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи и кадуцей.

№ 1:

№ 2:

В папке FONTS или в файле «шрифты» прилагаем некоторые применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

О НЕКОТОРЫХ ОСНОВНЫХ ВОПРОСАХ*

Андрей МЕТЕЛЬСКИЙ

Между желтым и фиолетовым слоями (83 тыс. ед.) размещается всего один, но очень важный сотрудник этой стороны нашей души — директор-распорядитель, организатор взаимодействия всех предыдущих уровней и их связи с более высокими. Он располагается в районе солнечного сплетения и является руководителем волевого центра. Но, увы, то, что мы имеем сегодня — лишь малая часть, вынужденная замена того мощного хозяина воли, который был дан человечеству (и соответственно каждой душе, воплощаемой на Землю) от Бога. Здесь вновь нужно отступление о всеобщем единстве Бытия и тех нарушениях, которые внесло в него так называемое грехопадение так называемого Адама. На Землю были воплощены не отдельные души, а единый организм человечества — «Адам», который действительно на тонком плане выглядит как огромный человек, стоящий на Земле. Все мы являемся его частичками, а наши внутренние

* Продолжение. Начало в номере 1.

помощники — частицами соответствующих работников этого целостного образа.

Примерно за три с половиной тысячи лет до Рождества Христова начался процесс разрушения хозяина воли человечества. По мере расчищения этой части мироздания и восстановления ее первоначального облика становится всё более понятной исключительная важность этого плана для землян и той борьбы, которая развернулась на Земле между отпавшим иерархом и всеми чистыми силами мироздания.¹ Земля до грехопадения была волевым центром будущего Сатаны, и ею руководил Кронос — тот самый хранитель Времени, то есть ритма, организующего связь и взаимодействие, единство всего мира, — которого уничтожил Зевс (Диавол) и сел вместо него, став новым руководителем центра, направляющего теперь процессы разрушения этой части мира его «оперативным работником» Сатаной и его (Сатаны) прислужниками. Однако практически все руководители этой части мироздания (аналогичные тем, которых я описал выше) — хозяева органов, частей и подсистем тела будущего Сатаны — выступили против его замыслов. Ему пришлось начать с их уничтожения и превращения их душ в первый строительный материал (ту самую смесь Бытия с небытием), из которого он начал выстраивать

¹ Здесь и далее нужно добавить, что, согласно Друнвалу Мелхиседеку, Люцифер и Михаил теперь уже не противостоят друг другу. Но, конечно, на физическом и ближайших к нему (менее) плотных планах результаты противостояния ещё есть. (— Ред.)

свой сатанинский «новый мир», «новый порядок», «космос».

Начало и корень болезни связаны прежде всего с волей. Сатана разрушил тот волевой центр, который устремлял жизнь этой части мира к гармонии и любви, к единству и сотрудничеству со всем остальным мирозданием, и посадил на это место существо, давно падшее, извращённое, ищущее радость не в созидании, а в разрушении, в отделении от единого организма мироздания любой ценой — даже ценой гибели всего организма. Вместо воли к жизни Сатана изъявил волю к смерти. Всем нормальным существам в мироздании было ясно, что это — болезнь, серьёзное психическое заболевание, которое нужно лечить. На протяжении 65 тысяч лет восстанавливалось всё, что разрушал Сатана. Вместо 24 уничтоженных руководителей частей этого мира были посланы другие 24 — те 24 старца, которые упоминаются в Апокалипсисе и кого мы знаем как пророков, в разное время воплощавшихся на Землю.

И борьба за волевой центр стала решающей. Как излечение тяжело больного человека начинается с его страстного желания жить, с возрождения воли к жизни, так и здесь надо было прежде всего пробудить уничтоженный волевой центр, восстановить те здоровые клеточки, начиная с которых можно будет вылечить весь организм. Именно эта задача была поручена человечеству, воплощавшемуся

на Землю 20 тысяч лет назад. Упоминаемый в Библии род Адама представлял собой зародыш нового руководителя центра воли, который должен был постепенно восстановить этот центр и затем координировать деятельность по возрождению всего организма. Для этой цели у людей был еще один, более глобальный организационный уровень сразу за золотым слоем на частоте 157 тысяч. Его задачей являлось осуществление связи непосредственно с Богом-Отцом и претворение Его воли — воли к жизни, гармонии и любви — в этой части мироздания. И именно по нему был нанесён главный удар в момент падения человечества. В тот момент он не был уничтожен полностью, но так называемое падение Каина — руководителя центра сердца — довершило начатое (библейское убийство Авеля Каином), и через 4 тысячи лет этот, быть может, самый главный наш работник, обеспечивающий осуществление цели и смысл появления людей в данной части мироздания, был полностью разобран Сатаной и выброшен в небытие. Именно тогда, 15-16 тысяч лет назад, незадолго до гибели Атлантиды, и утратило человечество даже те остатки прямого общения с Господом, которые еще сохранялись у Адама после нанесённого Дьяволом удара. И после этого началась атака на собственную волю людей, на руководителя волевого центра. При этом главной ударной силой стала древнеегипетская цивилизация.

Всё, что происходит с нами на тонких планах, обязательно должно выразиться на Земле. Зародыш будущего центра воли Земли (библейский сад Эдема) на физическом плане находится в районе Персидского залива, и поэтому Ближний Восток стал главной ареной противоборства за души людей. Дьявол основал свой центр рядом и с помощью египетских жрецов начал связывать хозяина воли человечества. Заставить кого-то творить зло просто из любви к злу очень трудно, поэтому всегда привлекаются ложь и обман. И в данном случае была пущена в ход идея достижения личного бессмертия в теле, в новой интерпретации предлагаемая нам сегодня некоторыми «духовными» школами. Мумифицирование фараонов, мощные магические похоронные обряды с участием тысячных толп, специальные ритуалы по отданию массами своей воли фараонам² привели примерно за тысячу лет — с 4-го по 3-е тысячелетия до нашей эры — к полному закреплению руководителя волевого центра человечества в каменных статуях египетских храмов.

Пока был жив этот помощник, тело наше было надёжно защищено от болезней. Он обеспечивал слаженную работу всех руководителей внутренних органов во взаимодействии с самым главным хозяином

² В наши дни это делают средства массовой информации, манипулируя вниманием людей. Дело в том, что если внимание куда-то направлено, то туда и отдаётся энергия — уходит часть астралов и проч. (— Ред.)

тела, находящимся на верхней границе второй радуги между серебристым и белым слоями (243 тыс.). Теперь эта связь была разорвана, тело стало беззащитным перед инфекционными заболеваниями. С этого момента начинается наступление тяжелых эпидемий — сильнейшего оружия Сатаны в борьбе с народами, сохраняющими веру в Бога. Оставлять человечество в таком состоянии было нельзя, и с 4-го тысячелетия до нашей эры началось более активное действие пророков на Земле. В противовес сатанинской египетской цивилизации, в 4-м тысячелетии до н.э. на Землю пришёл пророк Авраам (Ибрагим), основавший еврейский и арабский народы, ставшие затем главным оплотом чистых сил на Земле. Через иудеев началось наступление на цитадель Сатаны в Египте. Большую роль затем сыграл и пророк Иосиф, пришедший около 2-го тысячелетия до н.э. И наконец, главный удар изнутри должен был нанести фараон Эхнатон — с миссией перемены жреческого культа, обращения государства к истинной религии, разрушения языческих храмов и гробниц, являвшихся страшнейшим каналом вампиризма с Земли, и освобождения через это связанного хозяина воли человечества.

Но Эхнатону удалось выполнить лишь часть миссии. В какой-то момент он чуть-чуть не рассчитал сил, и жрецы успели нанести ему смертельный удар. Он попался на любопытстве, на желании понять, отчего же творится зло. В

минуты прямой рукопашной битвы некогда заниматься подобными размышлениями. Земная история этого великого борца с силами тьмы описана в романе Сенкевича «Фараон». Но выполнить главное — восстановить руководителя центра воли — ему всё же не удалось. Эхнатон приходил на Землю еще раз через тысячу с лишним лет под именем Лао-Цзы. Тогда он вступил в противоборство с другим сатанинским центром, основанным около двух тысяч лет до н.э. в Тибете — с небезызвестной Шамбалой. Но это другая история.³

Борьбу за волевой центр человечества продолжил пророк Моисей. Он, правда, «пошёл другим путём»... Он тоже воспитывался при дворе фараона, но было ясно, что то, что не удалось самому фараону (египтянину), вряд ли удастся неегиптянину. Было принято решение не восстанавливать прежнего хозяина воли, а начать выращивать нового до прихода Иисуса Христа — и теперь кардинальные изменения на Земле могли произойти только после Его воплощения. За 40 лет пребывания евреев в пустыне при постоянных молитвах был не только сформирован совершенно новый чистый народ — ведь два поколения успели вырасти в защищённой от сатанинских соблазнов обстановке, — но одновременно частично

³ Не только другая, но и весьма сложная. Шамбала объединяет очень разные силы. И в частности, на некоторых частотах могут «вести передачи» силы, просто врущие, что они из Шамбалы, и на это легко попасться. Так что сложностей много, и это действительно «другая история». (— Ред.)

восстановлен и руководитель воли — пока в масштабе одного народа. Семьсот лет после Моисея евреи продолжали хранить его традиции, религиозную и нравственную чистоту, пока прямыми военными нападениями Дьяволу не удалось разрушить их защиту. Среди этого народа один за другим воплощаются пророки для поддержания необходимой веры и чистоты: Соломон и Давид (автор псалмов), Илия-пророк и Енох, Исайя и Иезекииль.

С приходом Иисуса Христа ситуация стала совсем иной. В мир пошли те живительные силы, которые прежде сюда не попадали, в том числе и необходимый для работы волевого центра жёлтый поток.⁴ По мере распространения христианства рос и руководитель центра воли человечества. Особенно следил за его ростом пророк Моисей, положивший ему начало во время своего пребывания на Земле. Помогал и Лао-Цзы. Но решающее значение имело воплощение последнего из великих пророков — Магомеда. Он пришёл как завершающее звено восстановления — вместо Кроноса, с разрушения которого началось падение Сатаны. После коварного удара по Адаму стало ясно, что такими мягкими мерами сумасшедшего иерарха не излечить. Его помешательство сделалось буйным, угрожающим цельности мироздания. Он начал бросаться уже на Отца и на Мать, не

⁴ Что в наше время отразилось, например, в фашистских концлагерях как веление евреям-заключенным носить именно жёлтую шестиконечную звезду. (— Ред.)

останавливаясь ни перед чем. Болезнь зашла слишком далеко. И было принято решение полностью заменить его в этой части мироздания, а затем, отделив от остального мира, лечить, что называется, в стационаре — в специально выделенном месте. Этот процесс уже начался и будет завершён, по моим данным, к 2003 году, хотя говорят и о 2050 годе. Впрочем, по космическим масштабам всё это мизер.

Когда истинная религия охватила и арабские народы, вырос руководитель волевого центра человечества. К XII-XIII векам он достиг примерно $\frac{1}{4}$ части прежнего. Но крестовые походы, военные столкновения между разными ветвями единой религии⁵, вражда, которую Дьяволу, как во времена Каина и Авеля, удалось разжечь между братьями по вере, вновь остановили его рост. Так что сегодня мы вынуждены довольствоваться довольно слабой защитой. Впрочем, мы того и заслуживаем, ибо исцеление как отдельного человека, так и человечества в целом всегда идёт, как говорил Иисус Христос, по вере нашей. Народы не устояли в вере, не устояли в законе любви, провозглашённом пророками, и процесс выздоровления остановился.

⁵ А ведь в июле 2001 года папа Римский Иоанн-Павел Второй как раз и приезжал мирить католическую и православные ветви христианства, и для этого даже просил у православных прощения (как будто православным не нужно бы сделать то же самое...). Но Московская Патриархия во главе с патриархом Алексием этот визит осудила, предложение о примирении не пожелала обсуждать, и с Папой не встретилась. (— Ред.)

Из-за этого руководители отдельных органов внутри человека часто не могут договориться между собой. Один делает то, что вредно для других, каждый живёт сам по себе. А вообще у наших маленьких помощников разные характеры, и по уровню развития они напоминают маленьких детей: детский садик внутри нас.

(продолжение предполагается)

Они многое умеют.

Александр КУЛИКОВ

Это случилось со мной в 1985 году, когда о пришельцах почти ничего не писали, или, если писали, то с сарказмом. Мы с семьёй жили тогда в новом микрорайоне города Волжского Волгоградской области. Наша квартира располагалась под самой крышей девятиэтажного дома. Однажды вечером, когда жена легла в спальне с приболевшим в то время сынишкой, я лёг спать в другой комнате. И уже начал засыпать, когда мне вдруг показалось, что свет вокруг стал каким-то неестественным, с фиолетовым оттенком. И внезапно потолок надо мной как будто разверзся и стал прозрачным! Я увидел на крыше над собой четырёх существ, которые, склонившись, смотрели на меня — сквозь бетонный потолок?.. Одно из существ провело лучом из какого-то предмета прямоугольной

формы по крыше, и получившийся квадрат метр на метр стал подниматься. В тот же момент левее этих существ я увидел слабо мерцающий шар, еле различимый на фоне неба.

На меня накатил такой страх, что хотелось закричать во всю мочь, однако из груди вырвался лишь слабый сдавленный стон. И тут же ОНИ все пропали. Перед тем, как сомкнулся потолок, я успел заметить, как существо вновь быстро провело лучом по крыше надо мной. Я снова увидел потолок и услышал скрип двери из спальни. «Что с тобой? — испуганно спросила жена, наклонившись надо мной. — Тебе плохо?» Я слышал ее голос как бы издали, и только постепенно звуки становились отчётливыми.

«Они ушли? Улетели?» — спросил я дрожащим голосом и спустя минуту рассказал ей о случившемся. Впоследствии она никогда не иронизировала над этим случаем, да и странный свет в моей комнате она тоже успела заметить...

Дополню рассказанное лишь тем, что диаметр шара, виденного мной над крышей, был порядка пяти метров, а существа показались невысокими, примерно в 1 метр 40 сантиметров, большеглазые, с длинными руками. Потом я видел нечто подобное на рисунках и в публикациях — да, они похожи. Больше ничего такого в моей жизни не повторялось.

РАССКАЗ АБДУЦЕНТА

От редакции

Описанное в публикуемом ниже письме произошло много десятилетий назад, и рассказчик мог что-то забыть или спутать. Этого человека, — настоящего, истинного героя, который спас мальчика, теперешнего взрослого автора письма, — этого человека, если он еще жив и на этой Земле — просим обратиться в редакцию. Наш телефон: 493-54-87.

«Здравствуйте! Я раньше работал капитаном-механиком речного теплохода, сейчас на пенсии. В конце прошлого года я прочитал статью «Земля — виварий для пришельцев». Дело в том, что подобная история приключилась и со мной в детстве. Тогда я рассказывал об этом, но мне не верили, а потом всё постепенно забылось.

В конце сороковых годов мы жили на хуторе в Ставропольском крае. Я пас коров вместе с сестрой, а потом ушёл на другой склон бугра, прилёг под кустиком и заснул. Проснулся от специфического шума или свиста — пронзительного, но не громкого, — и увидел серебристый объект, похожий на громадную перевёрнутую тарелку. Он приземлился недалеко от меня на три опоры и замолк.

Мне было страшно и любопытно. Через некоторое время в тарелке открылась дверь, опустился трап, и из неё вышли три человека, очень худые и высокие, в серебристых костюмах. Я стоял, как парализованный. Они

подошли ко мне, взяли за руку и повели в корабль.

Сначала мы попали в очень узкий и тесный коридор. Они закрыли одну дверь, потом другую, и по коридорчику, где с трудом могут разойтись два человека, завели в небольшое помещение. Половину этого помещения занимали четыре клетки из металлических прутьев. В одной сидел медведь, в другой женщина, в третьей — трое мужчин кавказской внешности, а в четвёртой — мужчина славянского типа. К нему меня и посадили.

Вспомнил и осознал всё это я лишь потом, потому что тогда был охвачен ужасом. Я не мог ни кричать, ни сопротивляться, был в каком-то трансе.

Как только мы вошли в это помещение, медведь начал метаться по клетке и рычать, а женщина закричала диким голосом. Она была раздета, волосы взлохмачены, глаза широко раскрыты, а изо рта шла пена. Три кавказца опустили на колени и стали громко молиться на непонятном мне языке. А мужчина долго меня успокаивал, приводит в чувство и отвлекал от того, что стало здесь твориться.

Как я понял потом, взяв меня на корабль, они сразу же взлетели. А затем наступило самое страшное. Они раздвинули операционный стол, вытащили из клетки одного кавказца, который совершенно не сопротивлялся. Мужчина прижал меня к себе и, разговаривая со мной, отвлекал и успокаивал. Помню только, что эти

высокие худые люди резали на столе кавказца, и даже ширмы не было, чтобы закрыть от нас то, что они творили. Потом они сложили куски тела кавказца в ящик, смыли кровь, убрали стол и инструменты и ушли из этого помещения.

Мужчина, который был со мной в клетке, стал спрашивать, как меня зовут, откуда я и как моя фамилия. О себе рассказал, что сам он с Урала, горный инженер, а как его зовут, я сейчас не помню. Потом он заговорил с женщиной, но та ни на что не реагировала, и кавказцы тоже ничего не отвечали. Тогда он мне сказал: «Мы и сами с тобой поборемся с плохими дядями.»

Сколько времени прошло, не помню, но я уже пришёл в себя. Дядя Саша (для удобства буду так его называть) подвёл меня к решётке и сказал, чтобы я вылез из клетки. Я боялся, но он меня уговорил, и я с большим трудом просунул голову в решётку и боком вылез из клетки. Потом дядя Саша сказал, чтобы я нажал на кнопку, но я до неё не мог дотянуться, а под ноги поставить было нечего. Тогда он разделся, связал свою одежду и обувь в узел, подал мне, чтобы я встал на него и дотянулся до кнопки на стене. После нескольких попыток я всё-таки сумел нажать на кнопку. Замок клетки щёлкнул, и дядя Саша вышел из клетки. Затем он оделся, подошёл к кавказцам, опять пытался с ними говорить, но они не реагировали. Он обошёл всё помещение, пытаюсь найти что-нибудь, чем защищаться, но ничего не нашёл.

Мы с ним обошли весь корабль, и только в трёх каютах увидели спящих пришельцев, а в верхнем помещении, возле пульта управления кораблём, еще одного, который дремал за пультом. Дядя Саша всё время искал какую-нибудь тяжёлую железку, но ничего не находил.

Потом мы пошли вниз и открыли еще одну дверь. Это было машинное отделение. Мы спустились туда, но ничего подходящего он не нашёл. Вернулись назад в коридор, и он стал открывать дверцы в стене. Их было несколько в разных местах. Сейчас я понимаю, что это были распределительные щиты. Наконец он открыл самые большие дверки и обнаружил в зажимах сбоку металлическую полосу, запасную шину. Затем постоял, подумал, и говорит: «Эх, была не была, один раз помирать!» Отодвинул меня подальше от щита и кинул эту шину в щит на клеммы. Оттуда сразу полетели искры, пошёл дым и был слышен треск.

Сразу раздались тревожные звонки. Из помещений выбежали трое и кинулись на дядю Сашу. А ростом он был им по грудь или даже ниже. Я был отброшен в сторону и, сидя на полу, смотрел на эту потасовку. Когда они схватили его за руки, то двое стали его держать, а третий побежал куда-то. Дядя Саша всё старался подтащить их к открытым дверцам распределительного щита и толкнуть одного из них туда, а они оттаскивали его оттуда. Наконец прибежал третий с како-то палочкой и

дотронулся до дяди Саши. Его сразу как парализовало.

Нас затащили назад в клетку, закрыли, и один сразу ушёл, а двое остались. Они стали беседовать с дядей Сашей: спрашивать, кто он, почему он так хорошо разбирается в технике. Им было любопытно, почему другие существа, которых они захватили, находятся на очень низком уровне развития. Каждый говорил на своем языке, а друг друга понимали прекрасно. Дядя Саша им сказал, что остальные трое, сидевшие в клетках, — люди с низким уровнем образования, а женщина обезумела от страха. Что касается меня, то я — ребёнок, и в технике разбираться не научился. А в последней клетке сидит животное, называется медведь, и тем более в технике ничего не понимает.

В ответ они рассказали, что их цель — изучение космического пространства. Население Земли они всегда считали стоящим на низком уровне развития. Но когда земляне начали испытания атомного оружия, они обратили на это внимание и стали нами интересоваться особо. Дяде Саше они сказали: «Тратить радиоактивные материалы на взрывы — это безумие. Ведь эти материалы можно использовать на другие нужды, и у нас эти материалы в малом количестве и очень ценятся. Из них мы получаем энергию, которую используем в различных отраслях науки и техники и в путешествиях по космосу.» Нам с дядей Сашей стало ясно, что основная цель

этих пришельцев — обнаружение и добыча на других планетах радиоактивных материалов, а попутно — изучение других цивилизаций.

Затем они предложили дяде Саше отправиться на их главный корабль, а затем и на их родную планету. Он согласился, но поставил условие: чтобы всех людей, находившихся на корабле, отпустили. Инопланетяне сначала не соглашались, но дядя Саша заверил их, что нам всё равно никто не поверит, и их визит на Землю останется в тайне. Не знаю, почему, но они поверили дяде Саше и согласились. Тут же заторопились, потому что у них оставалось мало времени: они уже собирались улетать по рассчитанному маршруту...

Не знаю, где они высадили женщину и кавказцев. Дядя Саша настоял, чтобы меня высадили там, откуда забрали. Попросил меня запомнить его фамилию, имя, отчество, адрес.

Когда меня высаживали, было утро. Дядя Саша не хотел, чтобы мне делали укол. Но они его убеждали, что это необходимо: раз я был в машинном отделении, то надо сделать укол, иначе я умру от радиации. Меня вывели, сделали укол, и я лёг на землю и отключился...

Очнулся я от голосов. Когда поднялся, то увидел, что по степи цепью идут люди и ищут меня. Ко мне подбежала мама, начала расспрашивать, где я был, а у меня сильно болела голова, я дрожал и просил пить. Меня принесли домой и уложили в постель.

После этого я долго болел. Во рту у меня был металлический привкус, и я не мог находиться на солнце. В больницу меня не возили, лечили домашними средствами. От испуга приходила лечить одна бабушка.

Когда я пытался рассказывать, что со мной было, меня не слушали и старались от этого отвлечь. Постепенно я выздоровел, но еще долго не мог выходить на солнце: начинала болеть голова и появлялся металлический привкус во рту.

Однажды я всё-таки поведал сестре всю эту историю. Она рассказала об этом моей матери и хотела написать письмо по адресу дяди Саши. Но мама не разрешила, сказала — мол, еще начнут ребенка таскать по милициям.

И так всё кончилось и постепенно забылось. А года через три я уже самостоятельно пас коров, и как-то ко мне в поле подъехал «Виллис» — такой небольшой автомобиль-вездеход. Из него вылезли соседский мальчишка, два милиционера — как я сейчас понимаю, это были сотрудники КГБ, — и один мужичок в шапке-ушанке и ватной куртке. Один милиционер подошел ко мне, спросил мою фамилию, имя и отчество, а потом сказал мужичку в ватнике: «Вы пока побеседуйте, а я покурю». Не знаю, но я почему-то очень испугался в тот момент. А мужичок в ватнике стал говорить со мной, как с хорошо знакомым человеком. Я ему ответил, что я его не знаю и вижу в первый раз. Он сказал: «А помнишь, как

мы с тобой ездили в Ленинград?» Я ответил, что я никуда не ездил и живу всё время на хуторе. Тогда он стал мне напоминать историю с пришельцами, но я от всего отказался, потому что ничего тогда не мог вспомнить. Этот мужичок обиделся, начал упрекать меня, а потом сказал, что если бы я рассказал всё, что знаю, мы бы поехали в институт, и там бы я смог получить образование и стать уважаемым человеком. Но я упорно от всего отказывался, ничего не мог вспомнить.

После этого милиционер стал сам задавать мне вопросы. Я сказал, что не знаю этого человека в ватнике. Тогда они собрались уходить, а человек в ватнике предложил: «Давайте его допросим под гипнозом». Милиционер ответил, что этого сделать им никто не разрешит. Тогда человек в ватнике начал объяснять милиционеру, что если ему поверят и дадут условия для работы, он может сделать очень много такого, от чего все ахнут. А милиционер ему ответил: «Я вам верю, но поверят ли другие ему». И они уехали, попросив об их визите никому ничего не говорить.

Так я отказался от своего спасителя, но я действительно тогда ничего не помнил. А сейчас, хоть и поздно, но я прошу прощения у него.

*С уважением —
В.З.,
г. Усть-Донецк»*

ЭЗОТЕРИКА О ПРИЧИНАХ БОЛЕЗНЕЙ

Группа экспертов

Статистика всего мира указывает на рост заболеваемости населения, и в значительной степени за счет того, что болеть начинают всё раньше и раньше. На одном из первых мест по заболеваемости — болезни сердца, кардиопатология. Рассмотрим здесь лишь некоторые ее причины, с которыми нам пришлось столкнуться в нашем исследовательском центре. Всё нижеизложенное относится, конечно, к так называемому среднестатистическому человеку и очень мало касается профессиональных или явно спровоцированных заболеваний.

Прежде всего напомним, что, по современным¹ энергоинформационным исследованиям, причины болезней физического тела человека обычно находятся в его ментальном теле. Так, анализ данных нашей многолетней работы с пациентами показал, например, что те, кто бывают против свадьбы (совместной жизни) или рождения ребёнка, заканчивают свою жизнь онкологией или

¹ Впрочем, лишь подтверждающим то, что человечеству известно уже давно.

инсультом с последующей парализацией. (Обычно это родители молодожёнов или жениха с невестой.) Для несостоявшихся же молодых предполагавшихся родителей желавшего воплотиться ребёнка всё обычно оборачивается заболеваниями как раз сердечно-сосудистой системы.

С другой стороны, у наблюдавшихся нами пациентов практически всегда в жизни (в анамнезе заболевания) была ситуация с распавшимися или несостоявшимися семьями — поданные и нереализованные надежды. Мы уж не говорим о тех (правда, редчайших) случаях, когда невеста уходит (или ее неожиданно забирают), что называется, из-под венца. Что касается болезней сердца у детей, то их причины кроются тоже в нереализованных ситуациях, но — прошлых воплощений. И если С.Н.Лазарев указывает, что можно болеть в этой жизни авансом, чтобы не допустить чего-либо в будущем («болеть за будущее»), то мы с этим согласны, так как понятие о Времени как линейности («прошлое», «настоящее», «будущее») всё больше устаревает и сменяется понятием цикличности Времени или, ещё лучше, его одновременности: «всё происходит в Великом Сейчас».

Полученные нами выводы подтверждались практически. Болезни сердца мы лечили энергоинформационными методами, причём огромную роль играли наши объяснения причин недуга. И если человек действительно

осознавал свои ошибки, то болезнь уходила, и на кардиограмме, например, было видно, что послеинфарктные рубцы полностью исчезали.

К болезням сосудистой системы относится и варикозное расширение вен. Причина его — нарушение энергоинформационной связи с Землей. Вызвать это заболевание могут и несколько типичных человеческих глупостей типа: «За то, что ты сделал, тебе надо при жизни памятник поставить», или «Да ноги ему за это повырывать надо»...

Немаловажную роль в этом процессе играет и сочувствие тем, кому ампутировали конечности, так как сочувствующий тем самым цепляет на себя кармическую программу того человека (или ее часть), приведшую к ампутации. Поэтому, например, провоз просящих милостыню колясочных больных с такой патологией по вагонам метро или электричек опасен для окружающих. Вспоминается также и то, в чём глупая часть историков и правозащитников обвиняла Советскую власть: в первые послевоенные годы правительство потихоньку убрало с глаз населения всех инвалидов войны 1941-45 гг., отправив их в специальные места компактного проживания. На взгляд экзотерика — ужасающая несправедливость, но на взгляд эзотерика — польза для изнурённых войной граждан: и так все едва дышат, а тут еще цеплять на себя программы. Так и населения в стране не останется...

Затем, всякое вызывающее поведение (вульгарное и развязное в общественном месте, и т.п.) обычно вызывает в нормальном обществе отрицательную оценку, отрицательные эмоции. При этом автоматически наносится астральный удар(ы), могущий сильно пробить защиту, и в дыру не замедлят проникнуть болезнетворные энергосущества. То же относится, кстати, и к девушкам, желающим нравиться: отрицание или зависть могут их пробить. О таких вещах можно говорить много, потому что все люди в так называемых цивилизованных обществах, вследствие эзотерической (энергоинформационной) безграмотности ведут себя энергетически рискованно. Поэтому дадим практическую рекомендацию. Если Вы вспомнили аналогичные ситуации в Вашей жизни — мысленно просите прощения за эти свои ошибки вначале у участников этих событий, затем у Бога. Это и есть так называемое покаяние: правильный перевод этого термина («метанойя», греч.) как раз и есть «изменение миропонимания, оценки событий, позиций рассмотрения данного явления». Как говорил (душам!) Своих пролеченных Иисус, «Иди, и больше не греши».

Квантовая технология решительно опровергает соображения здравого смысла по поводу того, как функционирует этот мир. Она предсказывает появление мира, где компьютеры не надо включать, где предметы можно обнаружить, не глядя на них, где невообразимо мощный компьютер может быть построен из одной-единственной молекулы, где информация немедленно передается из одной точки в другую безо всяких проводов или сетей, где для исследования отдаленных объектов не требуется контакта с ними, где компьютеры проводят свои вычисления на просторах других вселенных, где телепортация ("Передай меня по лучу, Скотти") является самым обыденным явлением и находит многообразное применение. В 90-е годы исследования в области квантовой технологии начали приносить результаты. В 1995-м на расстояние восьми миль были переданы квантовые сверхзащищенные сообщения, а это позволяет предположить, что в наступающем столетии будет построен квантовый Интернет. В Лос-Аламосе физики измерили толщину человеческого волоса при помощи излучения лазера, которое не направляли на волос, но только могли направить. Этот невероятный результат обозначил возникновение новой области бесконтактного исследования.

А в 1998 году в трех лабораториях, находившихся в разных концах мира — Инсбруке, Риме и Калифорнийском технологическом институте, — демонстрировался эксперимент по квантовой телепортации¹. Физик Джефф Кимбл, лидер команды КалТеха, заявил, что квантовую телепортацию можно использовать для материальных тел: "Квантовое состояние одного предмета может быть передано другому предмету... Мы считаем, что знаем, как это сделать"². Кимбл в порядке предположения очень кратко упомянул о том, что они могли бы телепортировать человека, но на сегодня можно реально попробовать сделать это с бактерией.

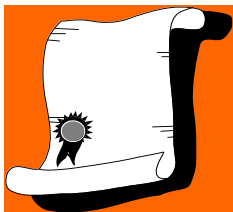
Эти квантовые курьезы, бросающие вызов логике и здравому смыслу, пока что удостоились весьма небольшого внимания публики, но оно еще усилится. Существуют мнения, согласно которым в первые десятилетия нового века большинство физиков во всем мире будут работать над теми или иными аспектами квантовой технологии.³

Редактор

1 "Боуместер, Дик, и др., «Экспериментальная квантовая телепортация. "---- «Nature», 390, 11 Dec. 1997, 575-9. --- Прим. автора.

2 Фокс, Мэгги, «Изучение телепортации призраков делает будущее ближе.» -- Reuters, 22 Oct. 1998. Джеффри Р. Кимбл - см: Фурусаву А. и др., «Безусловная квантовая телепортация.» -- «Science», 282, 23 Oct. 1998. -- Прим. автора.

3 Уильямс, Колин П. и Клеаруотер, Скотт Х., «Исследования в области квантовых вычислительных приборов.» — New York, Springer Verlag, 1998. См. также: Милберн, Джерард Дж., «Машины Шредингера.» -- New York, W. H. Freeman, 1997; «Процессор Фейнмана» (Reading Mass., Perseus, 1998).

ИЗ АРХИВА

С другой стороны, пусть поймёт народ,
ищущий грань меж Добром и Злом:
в какой-то мере бредёт вперёд
тот, кто с виду кружит в былом.

Иосиф Бродский

Варлам ШАЛАМОВ

ОЧЕРКИ ПРЕСТУПНОГО МИРА

(продолжение)

В исправительно-трудовом лагере, на общих тяжёлых работах, вопрос «тюремной пайки» становится вопросом жизни и смерти. Здесь нет лишнего куска хлеба, здесь все голодны и на тяжёлой работе. Грабёж тюремного пайка приобретает здесь характер преступления, медленного убийства.

Неработающие воры, наложив свою лапу на кухонных поваров, забирают оттуда большую часть жиров, сахара, чая, мяса, когда оно бывает (вот почему все «простые люди» лагеря предпочитают мясу рыбу: весовая норма здесь одна, а мясо всё равно украдут). Кроме воров, повару надо кормить лагерную обслугу, бригадиров, врачей, а то и дежурных на вахте надзирателей. И повар кормит: воры просто угрожают ему убийством, а лагерное начальство из заключённых (на блатном языке они называются «придурки») может в любую минуту придраться и снять повара с работы, и тот отправится «в забой», что страшно для любого повара, да и не только для повара.

Изъятия из тюремного пайка делаются за счет многочисленной армии рядовых работяг. Эти работяги из «научно обоснованных норм питания» получают лишь малую часть, бедную и жирами, и витаминами. Взрослые люди плачут, получив жидкий суп — вся «гуща» давно уже отнесена разным Сенечкам да Колечкам.

Для того, чтобы навести минимальный порядок, начальство должно обладать не только личной порядочностью, но и нечеловеческой, неусыпной энергией в борьбе с расхитителями питания, и в первую очередь с ворами.

Так выглядит «тюремная пайка» в лагере. Здесь никто уже не думает о рекламных блатных декларациях. Хлеб становится хлебом без всяких условностей и символики. Становится главным средством сохранить жизнь. Беда

тому, кто, пересилив себя, оставил кусочек своей «пайки» на ночь, чтобы среди ночи проснуться и до хруста в ушах ощутить вкус хлеба в своём иссушенном цингой рту. Этот хлеб у него украдут — попросту вырвут, отнимут — молодые голодные блатари, совершающие еженощные обыски. Выданный хлеб должен быть съеден немедленно — такова практика многих приисков, где много «ворья», где эти благородные рыцари голодны, и хотя не работают, но хотят есть.

Но невозможно мгновенно проглотить пятьсот-шестьсот граммов хлеба. Приходится разламывать хлеб и жевать, и на это уходит драгоценное время. Из рук такого работяги, разгибая его пальцы, блатари вырывают остатки хлеба, бьют...

На Магаданской пересылке был некогда такой порядок выдачи хлеба, когда вся суточная «пайка» вручалась работяге под охраной четырёх автоматчиков, державших на приличном расстоянии от места раздачи хлеба толпу голодных блатарей. Работяга, получив хлеб, тут же его жевал, жевал и, в конце концов, благополучно проглатывал. И случаев, чтобы блатари распарывали работяге живот, чтобы достать этот хлеб, всё же не было. Но было — и повсеместно — другое.

За свою работу заключённые получают деньги — немного, несколько десятков рублей (для тех, кто превышает норму), но всё же

получают. Не выполняющий норму не получает ничего. На эти десятки рублей работяга может купить в лагерной лавочке — ларьке — хлеб, иногда масло, — словом, как-то улучшить своё питание. Получают деньги не все бригады, но некоторые получают. На тех приисках, где работают блатари, получка эта бывает лишь фиктивной — блатари отнимают деньги, облагают работяг «налогом». За неуплату в срок — нож в бок. Годами вносятся эти немыслимые «отчисления». И все знают про этот откровенный рэкет.

Впрочем, если этого не делают блатари, то отчисления собираются в пользу бригадиров, нормировщиков, нарядчиков...

Вот каково подлинное жизненное содержание понятия «тюремной пайки».

«Красный Крест»

Лагерная жизнь так устроена, что действительную реальную помощь заключённому может оказать только медицинский работник. Охрана труда — это охрана здоровья, а охрана здоровья — это охрана жизни. Начальник лагеря и подчинённые ему надзиратели, начальник охраны с отрядом бойцов конвойной службы, начальник райотдела МВД со своим следовательским

аппаратом, деятель на ниве лагерного просвещения — начальник культурно-воспитательной части со своей инспектурой — лагерное начальство так многочисленно. Воле этих людей, доброй или злой, доверяют применение «режима». В глазах заключённого все эти люди — символ угнетения, принуждения. Эти люди заставляют заключённого работать, стерегут его и ночью и днём от побегов, следят, чтобы заключённый не ел и не пил лишнего. Все эти люди ежедневно, ежечасно твердят заключённому только одно: работай! Давай!

И только один человек в лагере не говорит заключённому этих страшных, надоевших, ненавидимых в лагере слов. Это — врач. Врач говорит другие слова: отдохни, ты устал, завтра не работай, ты болен. Только врач не посылает заключённого в белую зимнюю тьму, в заледенелый каменный забой на много часов повседневно. Врач — защитник заключённого по должности, оберегающий арестанта от произвола начальства, от чрезмерной ретивости ветеранов лагерной службы.

В лагерных бараках в иные годы висели на стене большие печатные объявления: «Права и обязанности заключённого». Здесь было много обязанностей и мало прав. Право подавать заявления начальнику — только не коллективные... Право писать письма родным — через лагерных цензоров... Право на медицинскую помощь...

Это последнее право было крайне важным, хотя дизентерию лечили во многих приисковых амбулаториях раствором марганцовокислого калия и тем же раствором, только погуще, смазывали гнойные раны или отморожения.

Врач может освободить человека от работы, официально записав в книгу; может положить в больницу, определить в «оздоровительный пункт», увеличить паёк. И самое главное в «трудовом» лагере — врач определяет «трудовую категорию», степень способности к труду, по которой рассчитывается норма работы. Врач может даже представить к освобождению — по инвалидности, по знаменитой статье 458. Освобождённого от работы по болезни никто не может заставить работать — врач бесконтролен в этих своих действиях. Лишь врачебные более высшие чины могут его проконтролировать. В своем медицинском деле врач никому не подчинен.

Надо еще помнить, что контроль за закладкой продуктов в котел — обязанность врача, равно как и наблюдение за качеством приготовленной пищи.

Почти всегда лагерные начальники были во вражде со своими медиками — сама работа разводила их в разные стороны. Начальник хотел, чтобы группа «ВО» (временно освобождённые от работы по болезни) была поменьше, чтобы лагерь побольше людей выставил на работу. Врач же видел, что границы добра и зла тут давно перейдены, что люди,

выходящие на работу, больны, устали, истощены и имеют право на освобождение от работы в гораздо большем количестве, чем это думается начальству.

Дать «лёгкую» категорию труда часто значило спасти человека от смерти. Врач мог даже «сактировать» заключённого, то есть составить акт об инвалидности, и тогда заключённый подлежал вывозу на «материк». Правда, больничная койка и активировка в медицинской комиссии не зависели от врача, выдающего «путевку», но важно ведь было начать этот путь.

Всё это, и еще многое другое, попутное, ежедневное, — было прекрасно учтено, понято блатарями. Особое отношение к врачу было введено в кодекс воровской морали. Наряду с «тюремной пайкой» и «вором-джентльменом» в лагерном и тюремном мире укрепились легенда о «Красном Кресте».

«Красный Крест» — блатной термин, и я каждый раз настораживаюсь, когда слышу это выражение.

Блатные демонстративно выражали своё уважение к работникам медицины, обещали им всяческую свою поддержку, выделяя врачей из необъятного мира «фраеров» и «штымпов».

Была сочинена легенда — она и по сей день бытует в лагерях — как обокрали врача мелкие воришки, «сявки», и как крупные воры разыскали и с извинениями вернули украденное. Ни дать,

ни взять — «Брегет Эррио»...

Более того — у врачей действительно не воровали, старались не воровать. Врачам делали подарки — вещами, деньгами, — если это были вольнонаёмные врачи. Упрашивали и грозили убийством, если это были врачи-заключённые. Подхваливали врачей, оказывавших помощь блатарям.

Иметь врача «на крючке» — мечта всякой блатной компании. Блатарь может быть груб и дерзок с любым начальником (этот «шик», этот «дух» он даже обязан при некоторых обстоятельствах показать во всей яркости), но перед врачом блатарь лебезит, подчас пресмыкается и не позволит грубого слова в отношении врача, пока блатарь не увидит, что ему не верят, что его наглые требования никто выполнять не собирается.

Ни один медицинский работник, дескать, не должен в лагере заботиться о своей судьбе — блатари ему помогут материально и морально: материальная помощь — это краденые «лепехи» и «шкеры», моральная — блатарь удостоит врача своими беседами, своим посещением и расположением.

Дело за немногим: вместо больного «фраера», истощенного непосильной работой, бессонницей и побоями, положить на больничную койку здоровенного педераста-убийцу и вымогателя. Положить и держать его на больничной кровати, пока тот сам не соизволит выписаться.

Дело за немногим: регулярно освобождать от работы блатных, чтоб они могли «поддержать короля за бороду».

Послать блатарей по медицинским путёвкам в другие больницы, если им это понадобится в каких-то своих блатных «высших» целях.

Покрывать симулянтов-блатарей; а блатари — все симулянты и агграванты, с вечными «мостырьками» трофических язв на голенях и бёдрах, с лёгкими, но впечатляющими резаными ранами живота, и т.п.

Угощать блатарей «порошочками», «кодеинчиком» и «кофеинчиком», отведя весь аптечный запас наркотических средств и спиртовых настоек в пользование «благодетелей»...

Много лет подряд принимал я этапы в большой лагерной больнице — сто процентов симулянтов, прибывших по врачебным путёвкам, были воры. Воры или подкупали местного врача, или запугивали — и врач сочинял фальшивый медицинский документ. Бывало часто и так, что местный врач или местный начальник лагеря, желая избавиться от надоевшего и опасного элемента в своём хозяйстве, отправлял блатных в больницу в надежде, что если они и не исчезнут совсем, то некоторую передышку его хозяйство всё же получит.

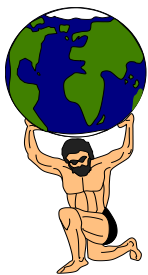
Если врач был подкуплен — это плохо, очень плохо. Но если он был запуган — это можно извинить, ибо угрозы блатарей вовсе не

пустые слова. На медпункт прииска «Спокойный», где было много блатарей, откомандировали из больницы молодого врача и, главное, молодого арестанта Сурового, недавно окончившего Московский медицинский институт. Друзья отговаривали Сурового — можно было отказаться, пойти на общие работы, но не ехать на явно опасную работу. Суровым попал в больницу с общих работ — он боялся туда вернуться и согласился поехать на прииск работать по специальности. Начальство дало Суровому инструкции, но не дало советов, как себя держать. Ему было категорически запрещено направлять с прииска здоровых воров. Через месяц он был убит прямо на приёме — пятьдесят две ножевые раны было сосчитано на его теле.

В «женской зоне» другого прииска пожилая женщина-врач Шицель была зарублена топором собственной санитаркой, блатаркой «Крошкой», выполнявшей приговор блатных.

Так выглядел на практике «Красный Крест» в тех случаях, когда врачи не были покладисты и не давали взятки.

(продолжение предполагается)

ПОРТРЕТЫ

В этой рубрике мы коротко рассказываем о людях ныне живущих или ушедших от нас, чьи имена и дела незаслуженно обойдены вниманием общества. В рассказах о себе эти люди скромны или вообще не имеют права многое говорить — часто, к сожалению, самое главное. Некоторые из них подвергались преследованиям, их работы выкрадывались или уничтожались, иногда их даже пытались убрать с физического плана: обычно это конкуренция по типу промышленного шпионажа, даже на уровне государств; или так называемые тёмные силы. Впрочем, тут многое зависит от духовного уровня данного человека, его кармы, кто он вообще глубинно, и т. п.

Сегодня речь пойдёт об известной певице. Нижеследующая информация предоставлена А. Кирилловым.¹

1. ДУША ПЕВИЦЫ:

**пришла с Венеры, жила там 10 раз,
последний уровень — 1-е небо (тамошний рай).**

2. Земные воплощения этой души:

1-й приход: 2-й век после прихода душ на Землю. Лемурия, мужчина, 13 детей, во втором браке, жила 44 года, после смерти пошла на 1-е небо (Земли).

¹ Что касается моих личных воплощений, то А. Кириллов смог увидеть лишь примерно 15-20% из них (хотя считает, что видит чуть ли не все...), и даже по спецзапросу с моей стороны не увидел тех, которые просто-таки из меня прут и которые видели другие люди: английское, первосвященническое в Дании-Швеции, и пр. Это лишний раз доказывает правильность рекомендации Агни Йоги не фиксироваться на этих вопросах и уж никак не считать себя в них специалистом. (— Ред.)

2 приход: 160 тысяч лет назад, Болгария, женщина, жизнь 45 лет, ушла на 1 небо.

3 приход: 21 тысяча лет назад, Россия, Воронежская область, культура древнего палеолита, мужчина, охотник, собиратель, 11 детей, жизнь 47 лет, религия — культ предков, ушла на 2 небо. Хорошо знает русский дух.

4 приход: 12 век до нашей эры, Греция, Троя. Знаменитая женщина по имени Андромаха, жена легендарного героя Трои Гектора, сына царя Приама. (Гектор позже пришёл Александром Македонским.) По Илиаде, Гектора убилл Ахилл, а сын его Неаптолем забрал Андромаху в жёны и увёз на материковую Грецию в город Дельфы. От Гектора у Андромахи был один сын, а от Неаптолема ещё трое, один из которых, Пергам, образовал в Малой Азии Пергамское царство. Там Андромаха скончалась в возрасте 60 лет. Религия — древних греков (Аполлон и остальные боги). Попала в 4 небо (рай).

5 приход: 1-й век до н.э., Узбекистан, Самарканд, мужчина, царь, два ребёнка, жизнь 30 лет, религия древних ариев, Индра и остальные боги. Погиб в бою, ушел на 2 небо.

6 приход: 3-й век нашей эры, Исландия, женщина-жрица, целила, ясновидела, получала

знания, отправляла ритуалы, три ребёнка, 65 лет, религия древних скандинавов (Один, Тор и остальные); ушла на 2 небо.

7 приход: 7-й век нашей эры, Индия, мужчина, брахман, до 30 лет жил в семье, имел одного ребёнка, затем ушел в лес набирать космические знания, и после 40 лет стал ходить по стране и учить людей Ведам. Жил до 65 лет, получал знания, ясновидел; религия — вишнуизм. 5-е небо.

8 приход: 11-й век нашей эры, Австралия, женщина, жрица, знахарка, целила, ясновидела, получала знания, 4 ребёнка, 55 лет, религия — тотемизм, культ предков; 3 небо.

9 приход: 15-й век, Византия, мужчина, предпоследний перед падением Византии византийский император. Два ребёнка, жизнь 50 лет, религия — христианство, 2-е небо.

10 приход: 19-20-й века нашей эры, Россия, женщина, один ребенок, жизнь 42 года, обращалась к любовным чарам, язычница, ушла на 1 небо (попала вниз...). В России — Вяльцева Анастасия Дмитриевна (1871-1913) — русская эстрадная певица, артистка оперетты (сопрано). С 1888 года выступала в опереточных труппах (в 1893-97 гг. — в труппе С.А.Пальма в Москве и Петербурге). Среди ролей: Перикола, Елена (в "Периколе"), Елена Прекрасная и мн. др.

Одновременно концертировала и славилась как исполнитель цыганских романсов. О ней книга:

Нестьев И.В., "Звёзды русской эстрады" (М., 1974).

11 приход (настоящее время): Надежда Андреевна Тишенинова, певица, вдова известного гитариста Сергея Орехова.

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая

Email: ttolstaya@hotmail.com

WWW: <http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/>

Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова";
"Иностранка", 2000. — 384 стр.

ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")

ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")

УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз	И краткое	Слово	Ер
Буки	И десятиричное	Твердо	Иры
Веди	Како	Ук	Ерь
Глаголь	Люди	Ферт	Ять
Добро	Мыслете	Хер	Фита
Есть	Наш	Ща	Ижица
Живете	Он	Ци	
Зело	Покой	Червь	
Иже	Рцы	Ша	

СЛОВО

Сперва Бенедикт думал, что ему мышинного шороха не хватает. Ведь мышь - это все. И поест, и одежду из шкурок скроить, и в обмен на торжище чего хочешь за нее дадут. Вот как он тогда двести штук наловил, на новый год-то? Душа пела, люди подпевали! Вспоминалось, как шел чуть ли не вприпляску, осевшие сугробчики потапывал, в лужи пяткой бил, чтоб дрызгало радугой! Честная плата за честные труды! А сколько он всего на тех мышей наменял-то! Ведь они после с Никитой-то Иванычем неделю это добро ели, доестъ не могли. Старик ватрушек напек... Как-то они на тех ватрушках сдружились, что ли. Если вообще с Прежним стариком дружить можно. Правда, кулинар из него - аховый, ежели с тещей сравнить. Ватрушки, по правде если, были кривоватые, - с одного боку сырые, с другого подгорелые, поверху - не творог, а не знам што. Тещины-то ватрушки сами во рту тают.

Потом думал: может, по избе своей соскучился. Бывало, и сон снился: идет он будто по тестеву дому, с галереи на галерею, с яруса на ярус, а дом вроде и тот, да не тот: словно он длиннее стал, да эдак вбок, все вбок искривляется. Вот идет он, идет, да дивится: что это дом все не кончается? А нужно ему будто одну дверь найти, вот он все двери и дергает, открывает. А что ему надо за той дверью -

неведомо. Вот он одну дверь-то открыл, - а там изба его, да тоже не такая, а словно бы побольше стала: потолок высоко вверх уходит, в темноту, и не увидеть. А только сено сухое с потолка помаленьку сыплется, шуршит и сыплется. Вот он будто стоит и на то сено смотрит, а в сердце страх, и будто кто лапой сердце то сожмет, то отпустит. И вот он сейчас что-то узнает. Вот сейчас узнает. А тут будто Оленька идет и бревно тащит. А сама неприветливая, тоже сухая какая-то. Куда ты, Оленька, бревно тащишь, почему неприветлива? А она усмехается так неприятно и говорит: какая же я Оленька, я не Оленька... Смотрит: и правда, не Оленька это, а другой кто-то...

...Вот проснешься от такого сна, - во рту сухость, а сердце: тылдых! тылдых! И не понять, на каком ты свете. И ощупаешь сам себя: а я ли это? А луна сквозь пузырь светит, ярко так и страшно. И дорожка лунная на полу протянулась... А есть люди, которые во сне ходят, когда луна в полную силу взойдет: а звать лунатики. А их, говорят, луна манит. Вот в такую ночь они с постели встанут, руки вытянут, пальцами шевелят и идут. А зачем они руки вытягивают, мы не знаем. Похоже, как если б подаяния просили, али помощи какой, а только если возьмешь такого за руку, - отпрыгнет. И на личике изумление. И прислушивается: головку набок склонит и прислушивается. А глаза открыты, а нас они не видят. Такие голубчики с

постели встанут, во двор выйдут, ходят-бродят, а потом давай на крышу карабкаться, ловко так, как по лестнице. Взойдут на крышу, под самый конек, и разгуливают. Там, видать, к луне поближе. Вот они на луну-то смотрят, а она на них: на луне вроде как лицо видать, а то лицо плачет: смотрит на нас, на жизнь нашу, и плачет.

Да, думал, что по избе соскучился. Даже съездил посмотреть: запряг Тетерю и прокатился до родимой слободы. Но - нет: не то. Посмотрел на избушку, на крышу соломенную: совсем прохудилась. Дверь настежь, во дворе лопух, с весны не полот, да дергун-трава, да кусай-трава, да еще какой-то сорняк неведомый, - остья черные, длинные, лист жухлый. Первые снежинки кружатся, падают, равнодушные. Постоял, шапку сняв, как все равно у могилы. Внутри, небось, все разворовано. Вроде жалко, а вроде и нет: от сердца оторвалось, отвяло. Да и зря сани брал: после той поездки Тетеря распустился, совсем уважать перестал. Пока Бенедикт у плетня стоял, скотина перекурил, да сплюнул наземь, а потом и говорит:

- Хэ! У меня распашонка в Свиблове лучше была.

- Тетеря, как ты разговариваешь с барином?! Твое место в узде!

- А твое - знаешь где... У меня сервант был зеркальный... Телевизор Рубин, - трубка итальянская... Стенка югославская шурина достал, санузел раздельный, фотообои золотая осень.

- Поразговаривай у меня! А ну, запрягайся!

- Линолеум только на кухне, а так все паркетная плитка. Плита трехконфорочная.

- Тетеря! Я кому сказал!

- Холодильник двухкамерный, пиво баночное... Водка на лимонных корочках, холодная...

И стоит, тварь, на задних лапах, как ровня, и о плетень оперся, и разговаривает, и в глазах мечта, и за хозяина не считает! В воспоминания ударился!

- Помидорки кубанские, огурчики эстонские с пупырышками... Паюсную ели, зернистую запахло держали... Ржаной за двенадцать... Иваси с лучком... Чай со слоном... Зефир белорозовый... Пьяная вишня куйбышевская... Дынька самаркандская...

Вот как завел, как пошел свое нести, кто ж выдержит! Правильно Никита Иваныч говорит: уважение должно быть к человеку, справедливость! А эта скотина человека не уважает, ни в грош не ставит! Бенедикт осерчал да и обломал ему бока-то кнутом, надавал заушин, да ногой пнул. А тесть говорит: Терентий смирный, это Потап норовистый! Каков же тогда Потап?! Если этот смирный?.. А после этой поездки, вишь, Петровичем его зови. Сейчас прям.

Потом еще думал: может, хвоста ему недостает? Всю жизнь жил с хвостом, вилял, радовался. Когда хвостом виляешь, другой раз даже за ушами щекотно. Хороший был хвост,

гладкий, белый и крепкий. Да, стыдно иметь хвост, когда у других его нету, но сам по себе он был хороший. Это правда. А теперь Никита Иваныч его обрубил, почти что под самый корешок, - ужас до чего страшно было. Никита Иваныч перекрестился: Господи, благослови! - да ка-а-ак... но не так больно, как боялся. А это потому, говорит Никита Иваныч, что в нем хрящ. А не кость. "Поздравляю, - проздравил Бенедикта, - с частичным очеловечиванием". Пошутил так, значит. "Может, поумнеешь", - пошутил.

Теперь на месте хвоста пупырь, вроде шишки, и саднит. Целую неделю после Бенедикт враскорячку ходил, и сидеть не мог, но до свадьбы зажило. И вот теперь как-то странно: не повиляешь, ничего. Вот так, значит, - думаешь, - остальные люди себя чувствуют. Хм.

Но а с другой стороны, - что значит остальные? Кто остальные-то? Ведь у каждого свое Последствие. Вот у родни когти. Пол портят. Теща, она тяжелая, грузная, из французов, - наскребет половицы так, словно цельная голова волос на пол упамши. Оленька поделикатнее, кучки после нее поменьше. От тестя поскребыш длинный, толстый, хоть печь растапливай. Вот Бенедикт предлагал Оленьке: давай тебе когти подрежем. Боялся, что она его в постели оцарапает. А она в крик: ты что?! ишь!.. Эвон на что замахиваисся! На организм! Нет!!! Ай!!! - Не далась.

А у перерожденцев, - хоть они, наверно, не люди, - когтей нет. На ногах у них ноги, а на руках руки. Только грязные: они ж целый день в валенках, если в карты не играют. А то иногда сядет, ногу выпростает и за ухом чешет, быстро-быстро; ну вот приглядишься и видишь: когтей нет .

В общем, грустновато было первое время, зад как бы осиротел, и даже Бенедикт провожал глазами всякий хвост, что навстречу попадался: козляк ли то, птичка, пес, мышь ли.

Пушкина ездил проводить. Перед самой свадьбой, за неделю, Бенедикт решил: ну хватит, считай, готов. Куда же еще.

Да он уж к концу не столько фигуру резал, сколько мелочь всякую подправлял: кудерьки сверлил, затылок на нет сводил, чтоб гений больше как бы ссутулимшись стоял, как есть он очень за жизнь в общем и целом опечален; пальцы там, глазки. Пальцев он сразу вырезал шесть. Никита Иванович опять возмущался, филиппики выкрикивал, но Бенедикт уже к его крикам привык и разъяснил спокойно, что так по столярной науке всегда полагается: лишнее про запас никому не мешает. Мало ли как повернется, ошибку какую допустишь, по пьяному делу не туда топором наподдашь. Лишнее потом всегда обрубить можно. Вот он работу, считай, закончил, сухой ржавью натер, а называется, - отшлифовал, - а чтоб гладенько все было и без заноз, - тогда конечно, заказчику на выбор предложение сделал: который

таперича палец певцу свободы оттяпать желательно? А выбор большой, самому приятно, на любой же вкус! Хочешь - этот, а хочешь - тот, а не ндравится - так вон этот, а может, тебе этот приглянулся, а то тут тукнем, а то - там. Ну? Душа же поет, когда все по науке: пышно и богато.

А Никита Иваныч кручинился и выбрать не мог, бегал кругами и волосья на себе рвал, - волосьев у него до ужаста много, - как же он, дескать, своевольно и кощунственно, по собственной прихоти, дерзнет обрубить поэту руки? Добро бы хвост, а то, - руки!!! Закрывал личико ладошками, головой мотал, одним глазиком подсматривал, потом его зажимуривал, мучился-мучился, да так и не решился. Все шесть пальцев оставил. А ног у пушкина нету, ноги резать не стали. Не успели. Только верхнее тулово, до кушака. А дальше как ступа, гладкое.

Волокли вшестером, - наняли холопов, рассчитывались мышами. Из Прежних - приятель Никиты Иванычев подмочь взялся, Лев Львович, из диссидентов. Идола одобрил.

— Ну чистый даун. Шестипалый серафим. Пощечина общественному вкусу, - высказал. Но таскать-волочь помощи от него, худосочного, мало было, он больше на руководящей, сказать, должности выступал: "давай-давай-давай! стоп! заноси! во! не так! Влево заноси!" - ну как всегда руководят. Хотели пушкина поставить, где Никита Иваныч указал, - чем-то ему это место приглянулося. Начали уже яму под пяточку

копать. Да только там хозяин злой оказался: выбежал, руками машет, слюной брызгает: укроп ему, вишь, потоптали, а укроп этот - растение самое пустое, ни вкусу от него, ни запаху, а больше для красоты держат; но, конечно, с голодухи и укроп съешь.

Никите Иванычу беспрерывно надо было символ посередь голубчиковой грядки воздвигнуть, он и уговаривал, и стыдил, и сулил огня без очереди, и к холопам взывал, чтобы народный глас и ропот возвысили, а холопам-то что: стоят хмурые, ногу об ногу заплетя, платы ждут, покуривают, ждут, пока начальство откричится, сердце сорвет да и затихнет, а так всегда и бывает. И пришлось волочь дубельт через дорогу напротив. Там место ничейное, промеж заборов.

Стало быть, вот он у нас стоит, сердешный, шум уличный слушает, как заказывали, - из-за угла повернешь и видишь его, на пригорке, на ветру, черного такого. А эта древесина, дубельт, всегда от дождей чернеет. Вот он стоит, как куст в ночи, дух мятежный и гневный; головку набычил, с боков на личике две каклеты - бакенбарды древнего фасону, - нос долу, пальцами как бы кафтан на себе рвет. На голове, конечно, птица-блядуница расселась, а такая у ей манера, у бессовестной: чего увидит, то и обгадит, оттого и прозвище ей дано срамное, за срамотищу за ее.

...Ну, съездил, пушкина обсмотрел. Ребят малых шуганул, чтоб по нем не лазали. Хотел

снежок вокруг обтоптать, да из саней вылезать поленился. Обсмотрел... ну и обсмотрел. Пущай стоит, места не простоит.

Вот думал-думал: чего же ему не хватает? А потом осенило, али сказать, стукнуло: книжек! Книжек давно не читал, не переписывал, в руках не держал! Почитай, с мая! На работу ходить самовольно бросил, потом отпуск, потом свадьба, потом жизнь семейная, и вот уж осень новая на зиму переламывается, все переломиться не может, - ну это как всегда в природе бывает, словно бы маета какая. День дождь, день снег. Уж и Октябрьский Выходной позади, шутка ли! А только в этом году на пересчет не ходили. Тесть по службе пошел, - ругался, но пошел, а нам сказал: сидите дома, я и так знаю, что вас трое. В список внесу.

Вот уж как Бенедикт Октябрьский Выходной терпеть не мог, - да и кто ж его любит, разве мурза какой, и то по должности, - но все ж какое-никакое, а развлечение было, и на людей посмотреть, и, глядишь, из Склада чего выдадут. Да теперь это нам без надобности. Вот в природе маета, и в голова маета. Заняться, - ну нечем. Как бы сказать, скука.

Вот слоняешься по дому, слоняешься, слоняешься; развлечения себе ищешь. Вот палец послюнишь, к стенке приложишь и ведешь, по стенке-то. Ведешь, ведешь, всю горницу обведешь, али пока слюна не высохнет, тогда опять палец послюнишь и опять ведешь.

Ну что еще? На корточки сядешь, локти в коленки упрешь, подбородок кулаками подопрешь и качаешься: взад-вперед. Взад-вперед.

А то нижнюю губу выпятишь и пальцем по ней дрынькаешь, а она вроде как хлопает: звук такой смешной, шлеп-шлеп.

Или сидишь себе на тубарете, али на лавке, качаешься, язык высунешь, один глаз зажмуришь, другой вбок скосишь и язык рассматриваешь. Кусок носа виден, да языка кончик. Но мутно.

А то еще: пальцами глаза оттянуть вбок и смотреть, что получается; а то и получается, что все, что видишь, эдак перекашивается.

Можно голову между коленок свесить, чтоб до пола, и ждать, пока кровь прильет. Зашумит в голове, затуманится; в ушах гул и стукота.

Можно еще что делать: пальцы переплестать. С одной руки палец, да с другой руки палец, потом опять с первой, потом опять со второй; а как все пальцы выйдут, так руки-то и вывернуть. Или просто: пальцы расставишь и пошевеливаешь туда-сюда. Это на руках. А если на ногах попробовать – так плохо выйдет: судорога ступню сводит. Вот так попробуешь и удивишься, отчего бы это: на руках так, а на ногах эдак? А знать, оттого, что руки - это руки, а ноги - это уж ноги. Должно быть, так. Не иначе.

Или просто ногти рассматриваешь.

А видений никаких не видишь; как-то они ушли, виденья-то. А жалко. Вот прежде Оленька

виделась: бусы там, ямочки, ленточка. А теперь - что ж? Теперь вон она, Оленька. Тут, под боком. Ямочки - дак у нее по всему тулову ямочки. Такие ямочки, - палец сунь, дак полпальца провалится. Пожалуйста. Суй. Не возбраняется. Даже, сказать, - приветствуется:

- Шалун!.. Что за нетерпеж...

А только раньше вроде как бы мерцание от нее было. Вроде бы тайна какая. А теперь вот она сидит на тубарете, личико густо сметаной обмазала, - чтоб белее было; а только вид страшенный от этой сметаны. Волоса чешет:

- Ну-к, глянь, Бенедикт. Чего это у меня тут? Никак, колтун?

Раньше ни про какие колтуны речи не было: коса до пят, и все дела. Но теперь ей косу не полагается, Оленьке: как есть она замужняя голубушка, у ней на голове должен быть прибор бабский. А уж возня с этим прибором, - не приведи Господь. Вот она волоса на пряди разделит, водой намочит, али ржавью, и давай на деревянные колобашки накручивать. Всю голову обкрутит, ходит, колышется, и колобашки эти целый день друг об дружку постукивают. Кудри ей, вишь, надо. И лицо обмазано: ну чистая гарпия.

- Ты зачем это на себя навертела-то?

- А как же? Для красоты. Для тебя же стараюсь. Бухнется на лежанку:

- Поди сюды, Бенедикт, любиться будем!

- Да хватит уже, сколько можно.

- Поди, поди, не разговаривай.

- Да я ослаб что-то. Переел малость.
- Не выдумывай, ты с утра еще не евши.
- Да ты царапаться будешь.
- Какой царапаться!.. Не выдумывай.
- Да у тебя морда в сметане.
- Вот у тебя вечно предлоги! Несчастливая моя жи-и-ись!

И завоет. Но потом перестанет.

- Бенедикт! Поди сюды. Чего это у меня вон тут чешется? Да во-он, вон тут. Вскочило чего?..

- Ничего не вскочило.

- Нет, ты плохо смотришь. Лучше смотри! Свербит чего-то.

- Да нету ничего.

- А чего же свербит-то? Не чирей ли?

- Нет.

- Волдырь может? Не припухло?

- Нет.

- Может, покраснело?

- Нет, нет!

- А чего же тогда? Вот чешется-чешется, а потом как дернет!.. А вот тут? Бенедикт! Не отвлекайся! Вон тут, - нет, дальше! Между лопатками!

- Ничего нету!

- Чешуя, может?

- Нет!

- Перхоть, что ли, нападала? - саднит. Обтряхни с меня.

- Чисто все! Не выдумывай!

- Веснушками, может, обсыпало?

- Нет!!!

- Дак может прыщ какой али бородавка! Вот так выскочит - да и помрешь!

- Чистая, говорю, спина! Все мерещится!

- Конечно, раз я страдаю, а не ты, так тебе и все равно! А у меня вот тут подмышкой ломит, Бенедикт!

- Поломит и перестанет.

- Вот другой бы пожалел!.. Вот если я так руку подниму и вот так поверну, сразу ломит! А если я вот так нагнусь, а ногу-то вот так поставлю, у меня немедля в боку колотье, ну-к, погляди, чего у меня в боку-то, мне не видать!..

Вот однажды и стукнуло: книжку бы. Завалиться бы сейчас на лежанку с книжкой! На дворе снег бесшумно падает, в печи дровешки потрескивают, - самое оно: с книжкой на лежанку. Рядом на тубарете миску с огнецами поставить, али еще чего вкусного, чтоб за щеку сунуть, и - туда... В книжку... Вот у нас скажем, зима, а там - лето. У нас день, а там - вечер. И распишут тебе, и разукрасят, что за лето, да что за вечер, да кто куда пошел, да чего на нем надето-накручено, да на какой, может, скамейке над рекой кто присемши, да кого ждет, - а мил-дружка, не иначе, - да какие птицы сверху поют, да как солнце садится, да мошки толкутся... И чего из-за реки слыхать, какую песню. И все напишут: как в кустах шуркнет, - мил-дружок на свиданье пришел, - да чего промеж ними сказано, да о чем сговорено... Али кто ладью большую построил и на море-окиян ее спустил, и сколько народу в ту ладью набилося, да куда

плыть хотят, и какое у той ладьи устройство, - все распишут. И как они плывут, да меж собой перелаялись, и у кого на сердце против других накипело, как он чернее тучи стал, да думу думает... А другие дозналися да говорят: ай, что ж он на нас смотрит, как все равно пес, будет нам от него вред, а ссадим его на остров...

Вот читаешь, губами шевелишь, слова разбираешь, и вроде ты сразу в двух местах обретаешься: сам сидишь, али лежишь, ноги подогнувши, рукой в миске шаришь, а сам другие миры видишь, далекие, али вовсе небывшие, а все равно как живые. Бежишь, али плывешь, али в санях скачешь: спасаешься от кого, али сам напасть задумал, - сердце колотится, жизнь летит, и ведь чудеса: сколько книжек, столько и жизней разных проживешь! Как все равно оборотень какой: то ты мужик, а то вдруг раз! - и баба, а то старик, а то дитя малое, а то целый отряд, что в дозоре сидит, а то просто не знам что. А если правда это, что не сам Федор Кузьмич, слава ему, все эти книги сочинил, так и что с того? Знать, другие Федоры Кузьмичи, древние люди, сидели, писали, виденья видели, оно и пусть.

А сейчас, небось, в Рабочей Избе свечки зажжены, свитки развернуты, Шакал Демьяныч зорко по сторонам посматривает. Константин Леонтьич быстро-быстро строчит, переписывает, да время от времени письменную палочку бросит, да руками-то всплеснет! да вскрикнет! - очень он всегда

волнуется, что там в книгах-то понаписано. А потом опять письменную палочку хватать, да давай дальше строчить... А Варвара Лукинишна голову склонила, гребешками трясет, про себя что-то думает... Что у ней за книга-то дома припрятана? Там про свечу что-то было, про обманы... А ни Бенедикта, ни Оленьки в Избе уж нету... Оленька на лежанке лежит, нудит, сметаной обмазанная, а Бенедикт на тубарете раскачивается. Сейчас бы мышей наловить, пойти на торжище и на книгу сменить. А только мышей в нашем доме нету.

А вот что за книгу тесть выносил, Бенедикту совал? А вот пойти да спросить? Раз уж тесть не заболел, тьфу, тьфу, тьфу, так это уж точно: можно в руки брать.

(продолжение предполагается)

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

25

Утром, вернувшись в Останкино, Данилов достал из конверта письмо Коренева. Места про чувства к Наташе он не перечитывал, хотя глаза его забежали и в те места. Трижды Миша повторял слова, слышанные от него и Даниловым: "Боящийся не совершенен в любви". Данилов со дня смерти Коренева не забывал их ни на мгновение. Слова эти Миша употребил и в строчках, какие теперь Данилову были нужны. Вот что Коренев писал:

"Чем погасить мой душевный мятеж? Чем утолить его? Успокоением в славе? Или в любви? Славы не будет. Любить женщину, как она того достойна, я, видно, уже не способен. Боящийся не совершенен в любви. Любить жизнь, людей? Но я в ознобе перед натиском мира... Я зябнувший от его жестокого напора... Пожалуй, одна музыка мне и осталась. Но в последние месяцы я и от музыки зябнувший. Это страшно! Неужели прав З. (фамилия была написана полностью, но потом зачеркнута) и надо признать, что важнее тишины ничего в жизни нет? Неужели в тишине — сладость и

утоление всего душевного мятежа? Неужели лишь в тишине гармония? Нет, нет, нет! Я еще не сдался, я еще люблю звук! Я ещё попытаюсь одолеть музыку... Но боюсь, что она разорвет, рассечет, растопчет меня... И тогда — тишина. Тишина! Вершина всего. И тогда тайна М.Ф.К."...

Было восемь часов. Данилов знал, что Земский встает рано, и позвонил ему.

— Здравствуйте, Николай Борисович, — сказал Данилов. — Извините за беспокойство. Вчера вы звали меня...

— Хорошо, Володя, — сказал Земский, — через пятнадцать минут я тебя жду.

Через пятнадцать минут Николай Борисович Земский открыл Данилову дверь и, поклонившись, будто приглашая к менюэту, провел Данилова в большую комнату.

Данилов поглядел на свои джинсы и стертые домашние туфли, смутился. Николай Борисович надел прекрасный концертный фрак, рубашка его и черный бант под кадыком были свежи, праздничны, будто только для сегодняшнего утра их шили и утюжили. Осмотрев комнату, Данилов понял, что Земский не только ждал его посещения, но и с усердием готовился к визиту соседа. Да что соседа! Земский теперь стоял словно на сцене и чувствовал трепетное внимание притихших где-то слушателей.

— Ты, Володя, садись, — загремел Николай Борисович, — вот кресло!

Бас у Земского, как всегда, был богатырский, раскатистый, но звучал этот бас нынче серьезно, строго, забыв о том, что привык озорничать, охальничать, а в случае нужды и раскалывать тонкие стаканы.

— Коньяк, Володя, будешь? — спросил Земский.

— Нет, что вы! Нам же на работу! Да и желания нет.

— Я коньяк не пью, ты знаешь. Предпочитаю водку. Или... Но нынче... Я ведь так... По рюмке, для утренней бодрости и остроты восприятия.

— Ну если для остроты восприятия, — сказал Данилов и выпил рюмку коньяка.

Сидел он в огромном и мягком кресле, с высокой уютной спинкой, обтянутой черным бархатом. К подлокотникам спинка спускалась овальными боками, похожими на уши слона. Креслу этому Данилов чрезвычайно завидовал, грустил о нем. Вот бы сидеть в таком кресле, мечтал Данилов, а за окном вьюга, ноги накрыть пледом и сидеть, книгу держать в руках или думать о чем-то... Или ни о чем не думать... Дремать. Славно... Но куда уж эти мечты! Вряд ли бы удалось Данилову дремать или думать в благословенном бархатном покое, да и на поиски

кресла в комиссионных магазинах не было у него ни времени, ни денег. Хорошо хоть, сегодня Николай Борисович дозволил ему занять почетное место. Данилов блаженствовал. И понимал: жест Николая Борисовича значит многое.

— Времени у нас с тобой, Володя, действительно мало, — сказал Земский. — Поэтому я сразу исполню свои сочинения. Я пишу и в традиционных формах, тебе привычных, есть у меня и симфонии, и балет, и оратории, есть пьесы инструментальные, не только для скрипки, но и для органа, фортепьяно, флейты-пикколо и прочего... Есть другие вещи... Но поначалу ты можешь их не понять, а то и рассердиться... Я сыграю две простые пьесы для скрипки. И короткие. Одну на две с половиной минуты, другую — на четыре. Кстати, я их играл и твоему приятелю Андрею Ивановичу, вторая вещь понравилась ему больше... Впрочем, какое это имеет для тебя значение...

— Я весь внимание, — сказал Данилов.

Земский, наверное, не расслышал слов гостя, он был уже в своей музыке, она волновала и мучила его, Данилов видел это. Сам же Данилов чувствовал себя неловко, минут через десять ему предстояло говорить Земскому какие-то слова, а вполне возможно, сочинения Земского

были скверные. К тому же Данилов пришел к Земскому вовсе не ради его музыки.

Но, впрочем, и музыку Земского услышать ему было интересно.

Земский взял скрипку, встал возле пианино (рояли в доме Данилова многим были бы нужны, да как затаскивать их, рояли-то! И где держать?). Данилов смотрел на Земского снизу вверх, и виделся Земский ему огромным, величественным, но и отчего-то пугал Данилова. Он совсем не походил на обычного Николая Борисовича Земского, бесцеремонного озорника и оратора, имевшего в коллективе прозвище Карабас. Какой уж тут Карабас! Или Громовой. Такого баса наряди Варлаамом, или князем Галицким, или половецким ханом и выпусти его на сцену — публика тут же бы обмерла. Да что Варлаамом, что Галицким! Он мог бы в костюме и гриме явиться теперь и царем Иваном Васильевичем из "Псковитянки"! Было величие в Николае Борисовиче! Да и зачем ему сейчас грим и оперные костюмы, он и в концертном фраке был хорош. Плечи Николай Борисович расправил, грудь его была обширна и могуча — и камский грузовик проехал бы по ней, не оставив следов. Скрипка, казалось, могла захрустеть в руках Земского, однако держал он ее нежно, с отцовской любовью. "Хорош, хорош!" — думал Данилов.

Но отчего-то ему было не по себе.

Николай Борисович поднял смычок.

За его спиной Данилов заметил прикрепленную кнопками к стене полосу ватманской бумаги и на ней выведенные плакатным пером слова: "Из наших пяти чувств слух несомненно меньше других облагодетельствован естественными наслаждениями". Рядом висела другая полоска бумаги с мнением художника Александра Иванова о смысле творчества. "Всерьез готовился", — подумал Данилов.

— Первая вещь называется "Прощание с номером гостиницы в Тамбове", — объявил Николай Борисович так, словно имел в виду не только Данилова, но и невидимых слушателей, возможно, притихших где-то рядом. — Вторая — "Утренние страдания в окрестностях Коринфа".

Он стал играть, но никаких звуков Данилов не услышал. Прощание с гостиницей, видно, было элегическое, что-то произошло у Земского в Тамбове, смычок проплывал мимо струн на малом от них расстоянии в задумчивости и грусти. Поначалу Данилов с любопытством следил за смычком, намереваясь, как глухой по движениям губ собеседника — слова, угадать музыку, сочиненную Николаем Борисовичем. Но не угадал. Музыка, верно, была новая и Данилову недоступная. Внимание Данилова рассеялось, он, слушая Николая Борисовича и наблюдая за ним, стал краем глаза оглядывать комнату, но так, чтобы Николай Борисович не

заметил его досужего интереса. Впрочем, что мог заметить сейчас Николай Борисович! Он был само вдохновение. Он творил. Он печалился об исходе своей тамбовской жизни... Тут Николай Борисович закончил первую вещь, опустил смычок, голову склонил на мгновение. Но сразу же будто восторгнулся и вскинул смычок, обратившись мыслями и чувствами к утренним страданиям. Страдания — кому? Может быть, кентавру? — выдались вблизи Коринфа серьезные. Полеты смычка были теперь нервными и стремительными. Данилов любовался артистическими движениями рук и бровей Николая Борисовича.

Земский опустил смычок, замер, отходя от музыки.

Данилов молчал.

Николай Борисович положил скрипку на стол, нервно взглянул на Данилова, налил коньяк, протянул рюмку гостю, быстро выпил свою, сел.

— Как? — спросил Земский.

— Несколько непривычно, — сказал Данилов.

— Я так и думал, — проговорил Земский расстроенно. — Знал, что ты поначалу будешь обескуражен... Хотя и надеялся... Н-да... А вот твой приятель из Иркутска, он сразу многое почувствовал... И Миша Коренев... покойный...

— Николай Борисович, — осторожно спросил Данилов, — как ваше направление в искусстве называется? Тишизм?

— Тишизм, — тяжело кивнул Земский.

— Тишина — лучшее из того, что слышал... От этого вы шли?

— Поэт выразился удачно. Но меня вело иное движение мысли...

Николай Борисович встал. Прошелся по комнате.

— Впрочем, Володя, ничего огорчительного и неожиданного тут нет. Я и думал прежде объяснить суть своего направления. Но взял и ударился в авантюру: а вдруг ты сразу все и почувствуешь...

— Я кое-что почувствовал, — робко сказал Данилов.

— Раз уж явился ты ко мне, — сказал Земский, не обращая внимания на слова Данилова, — придется тебе выслушать лекцию. Надеюсь, что короткую. А потом я исполню еще одно сочинение. Оно сложнее первых двух...

Тут Николай Борисович извинился, предупредив Данилова, что объяснения будет вести житейскими словами. В терминах он не силен, хотя и согласен с необходимостью оснащать любую новую теорию научной терминологией. В письменном трактате о

тишизме он и попытался сделать это. Однако не все термины ему нравятся.

Свои объяснения Николай Борисович начал издалека. От самых истоков традиционной музыки. Той самой, какой служит теперь Данилов и какой он, Земский, служил тридцать с лишним лет. Музыка эта возникла скорее всего из-за того, что, как догадались еще древние (тут палец Николая Борисовича указал на полосу ватманской бумаги с черными словами), слух наш по сравнению с другими чувствами куда меньше облагодетельствован естественными наслаждениями. Глаза видят много безобразного. Но и прекрасного перед ними много. А что, по мнению людей, и ушедших и нынешних, слышат уши? Да одни безобразия, выходит, и слышат! Дурные крики, карканье ворон, визг циркулярной пилы, лязг мечей, шипенье кухонных плит и перебранку их хозяек, скребки бумаги по школьной доске, урчания в желудке, свист летящих бомб, вытье собак, не говоря уже о матерных ругательствах. Шумы и звуки раздражают человека все больше и больше, они вреднее для него, чем загрязнение среды. А как мало приятного слышат люди: пение птиц, шум леса, ласковый плеск воды, смех младенцев. И всё, пожалуй. Ну и, естественно, тишина. Однако о ней разговор особый. Вот человек себе в утешение и создал музыку. Расположил звуки с помощью тонов, ладов, ритмов и прочего в приятные ему сочетания и десятки веков старается возместить

музыкой скаречность природы. Поначалу уловленные людьми звуки помогали им баюкать детей, вызывали жар в крови, настраивали на битвы и тяжкие работы, в пышных церемониях заставляли падать на колени, верить в силу и сверхъестественное. А потом возник особый мир музыки, мир этот безграничен и всемогущ. Впрочем, так думают люди. Но так ли на самом деле?

Нет, нет и нет! Музыка, как и любое другое искусство или, скажем, как и любая наука, отражает уровень развития человечества, представления людей о мире и самих себе. Представления эти меняются, но и теперь они наивные и детские. Ничего толком не знают люди ни о себе, ни о мире! Так, для облегчения жизни, оснастили себя некими условностями. И потихоньку одну условность заменяют другой. Каким уж открытием казалась когда-то перспективная живопись, а теперь, если принять во внимание забавы естественных наук, перспективная живопись Леонардо или Рафаэля ничуть не меньшая условность, нежели плоскостность или обратная перспектива иконы. Да что там, — куда бОльшая условность! И традиционная музыка, естественно, — условность и частность!

Нет, он, Николай Борисович Земский, вовсе не предлагает уничтожить и забыть традиционную музыку, инструменты изломать, а ноты сжечь. При этом и сотни тысяч музыкантов пришлось бы куда-то девать, а им ведь надо кушать и

кормить детей. Бог с ними, пусть себе дуют в трубы и барабанят по клавишам! Хотя они и шарлатаны. Но следует открыть людям глаза на то, что традиционная музыка — явление частное и никак не может претендовать на всеобщность. В этой ее претензии есть и нечто ущербное. Как в претензии на любовь мужчин семидесятилетней дамы, скукоженной, но все еще в красках и горящих камнях. В особенности теперь, когда так называемые точные науки пригоршнями выбрасывают новые условные знания. Может, в чем-то и верные. Теперь, когда совершенно изменились способы информации и средства общения людей. Да что говорить! Что дальше-то будет! Века человек плелся потихоньку, а теперь побежал, да еще и вприпрыжку. Раньше он жил в замкнутом мире, в своей избе, а теперь выходит во вселенную, и кто знает, с чем он встретится там, какие истины разверзнутся перед ним, от каких бездн он поседеет, к каким чувствам и каким звукам привыкнет, какие инструменты изобретет и полюбит. А вдруг люди и вообще откажутся от всех звуков и шумов, поберегут здоровье. Им надоедят разговоры, а станут они общаться друг с другом, скажем, способом телепатическим. Или каким иным. Да и надо бы! Разве слова способны передать движения мыслей и чувств? Нет. Они — служебные сигналы, они жалки и убоги, как знаки азбуки Морзе. Стало быть, и искусство будет иным.

И еще. Вся старая музыка так или иначе — отражение какой-никакой, а гармонии. Но разве мир — гармония? Разве жизнь — гармония? Ах, Володя, не криви губы. Уволь! Где уж тут гармония. Лев терзает лань, жирные злаки растут на братских могилах, женщина торгует телом, пьяная рука калечит ребенка, альтист Чехонин лижет штиблеты главному дирижеру, чтобы именно он, а не ты, Данилов, поехал на гастроли в Италию! Гармония!

— Но, может быть, Чехонин и поступает так, — сказал Данилов, — в поисках гармонии. Хотя бы для себя.

Земский только рукой махнул.

— Нет, — сказал он, — мир — черт-те что, но только не гармония. Значит, традиционная музыка лжет. Навевает даже и трагическими сочинениями сладостный обман. Для того она и звуки отобрала приятные человеку, сносные, выдрессировала их и строго следит за их порядком. Она ложь и побрякушка. Конечно, и старая музыка заставляет людей страдать, плакать. Но это оттого, что у них есть потребность страдать и плакать, а иной музыки они не знают. Он, Николай Борисович Земский, уважает и творцов прошлого, в иных из них, скажем в Бетховене, видит родственную себе натуру и жалеет их, шедших ложным путем. Да и пусть их сочинения останутся, пусть исполняют

их для гурманов в звуковых антиквариях и через двести лет. Это ничего не меняет... Но настоящей-то музыке, чтобы соответствовать миру, следует не извлекать из природы лакомые звуки, а быть честной, и всеми звуками, пусть и страшными, пусть и кошунственными, потчевать людей, терзать их души правдой жизни. Дал ли наш век новую музыку? Нет. Да, она нервнее и злее сочинений прошлого. Но вся она — и с джазовыми открытиями, и с атональным направлением, и с находками поп-артистов, и прочим, и прочим, — вся она та же самая традиционная музыка, только что с заплатами и надставленными рукавами. Вся она — частность и условность!

Тут Николай Борисович остановился и замолчал.

— Стало быть, — сказал Данилов, — ваше направление, тишизм, претендует на некую всеобщность? И вы создали систему всеобщих звуков?

— Ничего я не создавал, — недовольно заявил Земский. — Все необходимые для истинной музыки звуки есть внутри каждого из нас. И они так же богаты и верны по сравнению со звуками внешними, как богаты и верны наши мысли и чувства по сравнению со словами и жестами.

И дальше он объяснил... Итак, пока еще никто не знает, какая музыка людям нужна и какая музыка, в конце концов, возникнет для них. И он,

Николай Борисович, точно не знает, хотя о многом догадывается и многое предчувствует. Вот он и открыл, что нужно писать такую музыку, какая будет звучать лишь внутри каждого из слушателей. Эта музыка никогда не устареет и в момент исполнения будет точно соответствовать уровню представлений людей о мире и уровню развития музыки. Естественно, Николай Борисович имеет в виду лишь слушателей, какие способны его сочинения воспринять и воссоздать. Сочинения эти нет надобности записывать нотными знаками. Нотные знаки должны устареть, как устарело крюковое письмо. Никаких знаков и вообще не надо. Сочинениям необходимы лишь точные словесные обозначения. Впрочем, потом и слова будут заменены чем-то более совершенным. Главное — сообщить предполагаемому слушателю идею произведения, а уж он услышит его своим внутренним существом. Какие его натуре в сию минуту нужны голоса, мелодии или диссонансы, такие в нем и зазвучат. Ведь и традиционную музыку каждый человек слышит по-своему. Да и летуча она! Звуки — здесь, и вот уж их нет, зато остались неудовлетворенные желания. А сочинение Земского любитель может проиграть сейчас же снова сам, не пользуясь никаким инструментом. Оттого-то тишизм универсален и всеобщ. С одной стороны, он — тишина, а с другой стороны — самая что ни на есть истинная внутренняя музыка с полной свободой выбора мыслей, звуков, чувств.

Для облегчения подступа к его музыке Николай Борисович написал много вещей в формах музыки традиционной. И инструменты использовал знакомые людям. Чтобы вызвать у слушателей точные ассоциации, а стало быть, и привычные им голоса. Позже, когда люди освоят музыку Земского, перестанут бранить ее, пугаться ее, они, возможно, поймут и услышат более сложные его сочинения, написанные без всяких уступок старым вкусам, а значит, и в себе откроют нечто высокое, пока неизвестное им.

— Все это надо было объяснить тебе сразу, — сказал Николай Борисович. — Теперь я исполню еще одну вещь. И она для скрипки. То есть тоже уступка... Но что мне делать, если даже ты не почувствовал мою музыку... Эта вещь сложнее. Называется она — "Гололед в апреле на площади Коммуны". В ней три части — "Антициклон", "Лед на асфальте" и "Разбитие стекол троллейбуса".

Земский, видимо, и впрямь не верил в возможность гармонии мироздания. Его сочинение опять, судя по нервным движениям смычка, отражало трагические столкновения стихий и судеб. Данилов следил за игрой Земского в напряжении, силился услышать что-то. Ему вдруг стало казаться, что он действительно слышит какую-то музыку или хотя бы ночной вой ветра или шуршанье газетных обрывков, влекомых ветром по

замерзшим лужам, а когда Николай Борисович дошел до третьей части, Данилов закрыл глаза и ясно представил себе, как прямо перед входом в парк ЦДСА грузовик с молочной цистерной врежется в бок тринадцатого троллейбуса и стекла бьются.

— Что-то услышал, — сказал Данилов Земскому, убравшему скрипку в футляр. — Нет, точно, что-то во мне прозвучало.

— Не обязательно должно звучать, — сказал Земский. — Должно возникнуть...

— Нет, точно, — как бы уверяя самого себя, сказал Данилов, — было, было что-то!

Ему сейчас уже казалось, что он и впрямь слышал не только вой ветра, шуршание бумаги, звон стекла, скрип тормозов, но и еще что-то особенное, музыкальное, тронувшее его душу. И теперь он явно ощущал сочувствие к водителю разбитого троллейбуса. Но сказать об этом Николаю Борисовичу Данилов не решался: тот, возможно, полагал вызвать своим сочинением совсем иные эффекты.

— Перешагнуть предрассудки доступно немногим, — сказал Николай Борисович. — Но потом люди привыкнут к музыке Земского. Хорошо хоть, ты сразу не ринулся в бой со мной. Это и мне приятно. И тебе делает честь.

— С инструментальной музыкой ладно, — сказал Данилов, — а с балетами как?

— Сам понимаешь, и балет — дань прошлому. А принцип — тот же. Необходимо сообщить зрителям идею. И исполнителям, если в них обнаружится нужда. Для менее способных к творчеству придется разработать и либретто, но короткое, как в программке. Потом, думаю, нужда в исполнителях отпадет. Каждый будет смотреть и слушать балет внутри самого себя. Кто по привычке, собираясь в театрах, кто у себя дома, вот в таком кресле, закрыв глаза...

— Значит, и Чайковский, — сказал Данилов, — мог сообщить нам идею "Лебединого озера" или "Спящей" и дать возможность для трактовок своих вещей? Трактовок куда более глубоких и личностных, нежели мы имеем теперь.

Николай Борисович то ли иронию расслышал в словах Данилова, то ли противопоставление ему Петра Ильича показалось Земскому намеренным, но только он обиделся.

— А вот не мог Чайковский, не мог! — произнес он с горячностью. Потом утих и добавил вяло, словно потеряв интерес к предмету затеянной им беседы: — Ты, брат Данилов, весь в оковах старой музыки. И разбивать их пока не намерен. Нравятся они тебе. Это печально, но и понятно. Ты молод, стал хорошо играть, стал блестяще порой играть, ждешь от старой музыки многого для себя. И я когда-то был такой, вон там у меня

во встроенном шкафу лежат и призы и дипломы. Я далеко мог пойти. Но сомнения стали грызть меня, совершенства я жаждал, совершенства! Однако понял, что совершенства не будет. И тогда мне все стало скучно. Но я не сложил руки. И победил. В тишизме я и как исполнитель, и как творец, и как мыслитель найду совершенство. Или уже нашел... А ты играй, играй, звучи, пока звучишь! Ты пока еще в полете, ты оптимист, ты искатель, и мир для тебя хорош, ты молодой.

— Где уж молодой... — печально сказал Данилов.

— Хотя, конечно... Миша Коренев в твои годы был уже поверженный...

— Миша приходил к вам?

— Да.

— И часто?

— Он стал мне как сын.

Николай Борисович поднялся резко и принялся ходить по комнате. Данилов отругал себя за бестактность, решил молчать. Но любопытен был Данилов...

— Коренев принял тишизм? — спросил он.

— Миша понял меня. Но тишизм его напугал. И сильно. Очень сильно... Однако его последний поступок говорит о том, что он принял тишизм.

— Разве?

— Да, — сказал Земский. — Ты узнал сегодня об азах тишизма, прочел первое слово в букваре, да и то по слогам... А Миша ушел в высшую

тишину. Да что ушел! Прыгнул туда... Или вознесся...

— Стало быть, для вас высшая тишина — исчезновение личности, смерть? Так, что ли?

— Нет, — горячо сказал Земский, — для меня — нет! Я — творец. Для меня моя музыка — продолжение жизни. Или ее воплощение. Даже если эта жизнь и состоит из одних скорбей и грехов. А для слабых натур Мишин прыжок в тишину — благодать...

— Миша ушел в тишину и унес с собой тайну М.Ф.К...

— М.Ф.К.? — сразу остановился Земский. — Откуда ты о ней знаешь?

— Прочел в одном письме... М.Ф.К. Это его инициалы, видимо... Михаил Федорович Коренев... Так, наверное?

— Он всего стал бояться, — сказал Земский. — Всего. Однако и со всем, что его пугало, был намерен вести бой. И первым делом — с самим собой... А когда узнал от меня, что старая музыка рано или поздно должна исчезнуть или отмереть, он и от этого пришел в ужас, оцепенел, словно на краю пропасти. Но потом решил — доказать и мне и самому себе, что — нет, что старая музыка не ошибка и не частность, а что и она может быть великой. Как и он в ней. А вот не доказал...

— А мог доказать?..

— Не знаю. Он, наверное, и не мог... Он долго жил как придется, был ветрен, но жил весело и сыто. Вдруг остановился и словно прозрел.

Спросил себя: "А зачем живу?" Хорошо, что спросил, мне он потому и стал приятен. Но лучше бы не спрашивал... Взглянул на все глазами открытыми и пришел в ужас. И от самого себя, и от мира. Себя собрался изменить рывком, да где уж тут! Решил бунтовать. Этаким мятежник. Чтобы оправдать свое существование, намерен был в музыке, — старой, понятно, — устроить чуть ли не пожар. Или фейерверк. Но почувствовал, что и сам-то как музыкант за годы веселий потихоньку истлел. Да он и вообще, я тебе скажу, особо одаренным не был...

— Я знаю, — кивнул Данилов.

— Не был, увы, не был... Но то впадал в ярость, думал, что одолеет музыку, а то скисал... Считал, что в мире никому не нужен, что надо бросить поганое дело, что он бездарен, что музыка не для него, а ему стоит сейчас же уйти в шоферы или еще куда. Я смотрел на него и понимал, что уйдет-то он уйдет, но совсем не в шоферы...

— И не пытались его остановить?

— Нет.

— Он же стал вам как сын...

— Каждому свой жребий... Если бы он утих, если б перестал думать о высоком, лучше б было? Нет. Я открывал ему высоты все новые и новые. Я не желал заливать его пламя водой. А он все больше и больше пугался... Узнал, что машина стала писать вещи не хуже композиторов-шарлатанов, и опять — в озноб... Нет, я его не успокаивал, наоборот. И со мной

было такое, но я не сдался. Тут или — или. Иного быть не может. Он не выдержал. Да, значит, и не мог выдержать.

— Вы его искушали... И подталкивали к обрыву...

— Если ты считаешь, что к обрыву, пусть будет к обрыву... Можно посчитать, что к окну, и тут нынче не ошибешься... Да, искушал. Да, подталкивал. И не жалею об этом... Но подталкивал я его не к обрыву, а к выбору и решению... Он выбрал тишину... Он ничего иного уже и не мог выбрать...

— Все это жестоко по отношению к нему.

— Пусть жестоко. Но и честно... А по отношению ко мне все это не жестоко? Ты этого не чувствуешь? Ведь я привязался к Мише... Я на похороны не смог пойти... Не было сил...

— Однако вы живы. А он погиб.

— Он ушел в тишину. В высшую тишину. А я страдал... Я знал, что рано или поздно он уйдет в тишину и я буду страдать... Я не останавливал его, я должен был испытать потрясения, чтобы написать лучшую свою вещь... Я написал ее... Памяти утихшего скрипача... Это сочинение еще потрясет людей...

— Выходит, что Мишина гибель — благо для вас, для музыки и для людей?

— Я не говорю, что благо. Необходимость — да. В мире — разлад, и не скрипачу Кореневу суждено было его вынести. Творец же...

— Такой, как вы...

— Такой, как я. Творец же обязан был не холодным умом представить смертельную схватку личности с миром, а отцом увидеть страдания сына и самому отстрадать... Кровью и сединой оплатить за великое сочинение... А я знаю, что сочинил!

Земский стоял над Даниловым исполином. Тот ли Земский еще вчера в смятении чувств шарахался в буфете от моршанского ножа! Нет. Этот был словно пророк, знающий, что его пророчества сбудутся. В глазах Земского горело торжество. Над всем человечеством возвышался сейчас Николай Борисович Земский.

— И все же, Николай Борисович, — строго сказал Данилов, — это жестоко.

— Истинный художник и должен быть жесток! — воскликнул Земский. — Иначе он превратится в скрипача Шитова, раскатывающего колясочки с детьми да жене стирающего белье! А ведь Шитов был талант! Талант! Нынче же он — никто, домашний хозяин. Ремесленник в яме. И все потому, что дрожал о ближних. И дрожит о них. Стал нянькой. Сиделкой. И слугой. Большому художнику все в природе должно быть подсобным материалом, ниткой и иголкой, а женщины — в особенности... Сострадать человечеству мы можем, но уж ни слугой, ни нянькой, ни сиделкой никому — ни отцу, ни матери, ни сыну — становиться не имеем права!

Данилов сидеть под Земским уже не мог, встал. Движение Данилова было резким, как бы протестующим. Николай Борисович заметил это, будто опомнился, заговорил тише:

— Оттого-то истинный художник и бывает одинок. Я — одинок. И ты — одинок.

— Я одинок? — удивился Данилов.

— Ты одинок, — кивнул Земский. — Я тебе скажу: ты можешь стать большим музыкантом. В старом, естественно, понимании. Я слушаю тебя лет семь, а то и больше. Ты играешь все лучше и лучше. Да и одарен ты куда щедрее, чем покойный Коренев. У тебя пропал Альбани, а ты стал играть на простом инструменте еще ярче.

— Откуда вы знаете о пропаже Альбани?

— Я знаю... — сказал Земский. — У тебя есть многое, чтобы стать блестящим артистом. Ты одинок оттого, что не связал себя душевной цепью ни с кем. И ни у кого ты ни в няньках, ни в сиделках. Но пока ты не жесток, а просто легок. Но коли захочешь выйти в большие художники, то станешь и жестоким. И пошагаешь по плечам и спинам... Так и будет. Не напоминай мне слов о гении и злодействе, они красивы, но в них желание неосуществимого, в них — желание мира-гармонии. А его нет. Сколько видели мы гениев — злодеев. Но я тебе пока и не о злодействе говорю, а о жестокости... Житейской жестокости, и ни о какой другой...

— Неужели и вы, Николай Борисович, были злодей? — спросил Данилов.

— Не про это сейчас речь, — засмущался Земский, — мало ли кто кем был... Многие бы не отказались пойти и на злодейство, чтобы стать гением... Или чтобы их посчитали гениями... Другие бы и за малый успех, за крохотную славу не поскупились бы заплатить ой-ей-ей как... А Миша Коренев?.. Он ведь и душу дьяволу готов был заложить в минуты отчаяния... Пробовал играть Паганини, не выходило, он и думал: а вдруг и верно Паганини заключил сделку с дьяволом...

— Не было этого! — сказал Данилов.

— Отчего же не было?! — воскликнул Николай Борисович тонко и нервно. — У Миши были минуты, когда он очень хотел поверить в возможность этой сделки! Да что Миша! И у меня бывают мгновения...

— Вы это серьезно? — спросил Данилов.

— Уж куда серьезнее! Такая тоска иногда находит, что я, Николай Борисович Земский, на колени готов рухнуть все равно перед кем — сверхъестественным существом или пришельцем из обогнавшей нас цивилизации, уж не знаю перед кем, рухнуть на колени и молить его: сейчас же сделать меня всемогущим, хотя бы в искусстве, и прославленным, а уж плату он волен потребовать с меня любую!

И тут Николай Борисович упал перед Даниловым на колени.

— Я любую расписку дам, самую страшную, кровью так кровью, — сказал Николай Борисович, — душа моя нужна, так возьмите

душу, жизнь — так жизнь, муки я должен потом претерпеть или дело какое исполнить, извольте, я согласен! Только утолите мои желания!

— Встаньте, Николай Борисович, что же вы передо мной-то на колени грохнулись!

— А перед кем же еще? — спросил Земский.

— Сейчас же встаньте, Николай Борисович, — сухо сказал Данилов. — Право, это неприятно.

На колени Николай Борисович падал, а вставал с усилием, словно теперь дало о себе знать люмбаго. К креслу он двинулся разбитым стариком, и, когда утвердился в нем, Данилов увидел, что и в глазах Николая Борисовича пламени более нет. И нет надежды.

— Я понимаю, Николай Борисович, — покачал головой Данилов, — вы шутник и артист, но я ведь к вам пришел не ради мистерий пятнадцатого века.

— Ты прав, — сказал Земский.

Он быстро взглянул Данилову в глаза. Но тут же опустил голову. Потом, помолчав, спросил:

— А приятель твой из Иркутска, он что — не появится больше?

— Не знаю, — сказал Данилов, — но думаю, что и перед ним падать на колени было бы неразумно.

— Может быть, — прошептал Земский, — может быть.

— Да и как же вдруг? — спросил Данилов. — Зачем чья-то помощь? Вы что же — не уверены в тишизме?

— Уверен! Уверен! — горячо произнес Николай Борисович. — Но кто бы узнал о Золушке, если бы она туфлю в двенадцать часов не потеряла!

— То есть?

— Кто поймет теперь мой тишизм? Никто. Кто узнает о моих сочинениях через сто лет? Никто. Я сдохну, и пионеры сейчас же отнесут мои бумаги в макулатуру — кому нужен утиль какого-то Земского! Чтобы к моим мыслям и сочинениям был интерес, чтобы в моих бумагах копались умные люди через сто лет, я теперь, теперь должен стать известным. Пусть и в этой ложной старой музыке. Пусть и со скандалом. Со скандалом-то вернее! Имя мое должно застрять в умах людей! Туфелька Золушки мне нужна. Даже и похожая на рваный сапог. Ради этого я готов поставить подпись где угодно. И кровью!

— Ничем не могу вам помочь, — сказал Данилов.

— Ой ли?

— Николай Борисович, вы смотрите на меня как-то странно. Не думаете ли вы и меня напугать, как напугали Мишу Коренева?

— Тебя не напугаешь, — угрюмо сказал Земский. — Ты сам скоро напугаешься, коли и впрямь ринулся в большие музыканты. Так напугаешься, что однажды подойдешь к окну и подумаешь: "А не прав ли Миша Коренев?.." Если ты, конечно, тот, за кого себя выдаешь...

— Я себя ни за кого не выдаю, — сказал Данилов. — Однако у меня создается впечатление, что вы меня за кого-то принимаете. За кого же?

— Мало ли за кого...

— Вы взрослый человек, — сердито сказал Данилов, — а, видно, уверили себя в каком-то детском вздоре... Это и смешно, и неприятно... Разрешите на этом откланяться.

— Извини, Володя, — быстро заговорил Земский, — это все шутки... Но ведь как шутник, сам знаешь, я не всем нравлюсь... Извини... И забудь о моих словах... Нам и в театр пора. Я тебе сейчас напоследок налью коньяка. Себе же — вина, фирменного.

Николай Борисович наполнил рюмку Данилова, а сам отправился в соседнюю комнату и вернулся с большой чашей, сделанной, как разглядел Данилов, из черепа и опоясанной сверху и снизу полосками серебра. На серебре имелась чеканка. Вино в чаше было вишневого цвета, чуть прозрачное. "Экий печенег!" — подумал Данилов.

— Это все шутки, Володя! Может, и не поверил я ни в какой вздор. Я пока в свою силу верю! Родись я веков на пять раньше, был бы я Васькой Буслаевым и дружины б крушил. Помнишь, что Васька говорил: "Не верю я, Васенька, ни в сон, ни в чох, а верю я в свой червлёный вяз!"

Тут Николай Борисович рассмеялся, из перстня, украсившего средний палец его левой руки, высыпал в чашу красный порошок, отчего вишневая жидкость будто вскипела, забулькала и пошла вверх сизым паром. Чашу Николай Борисович поднял рывком и осушил, как граненый стакан. Данилов коньяк пить не хотел, однако теперь выпил. "Мистика какая-то", — подумал Данилов.

В прихожей Данилов сказал Земскому:

— Червлёный вяз пусть при вас остается, вы ему служите, это ваше дело, однако Мише Кореневу жизнь вы укоротили напрасно.

— Может, и укоротил, а может быть, и нет! — рассмеялся Земский.

Был он теперь в кураже, вишневая жидкость из чаши взбудрила его. Словно бы радость распирала Николая Борисовича. В прихожей обширным животом он вдруг придавил Данилова к стене, оглушил его:

— А ты, Данилов, не храбрись! Что ты знаешь? Да ничего! Вот Миша-то унес с собой тайну. Тайну М.Ф.К. Разгадай-ка ее. Слабо будет!

Выходя к лифту, Данилов все же поклонился Земскому, и тот шумно закрыл за ним дверь.

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

Шеврикука,

или Любовь к привидению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские Истории":
"Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

12

Четыре дня Шеврикука прожил расслабившись. В благодушии он вернулся в Землескреб, его никто не спрашивал и никуда не тянул, больничный не терял силу. Хотел было в квартире флейтиста Садовникова, кошатника и книжника, тихой букашкой проползти в

справочники и выяснить, что такое фибула, но заскучал и фибулу отставил. Обеспокоился, как бы скука не перешла в тоску, и отправился в квартиру картежника-акулы Зелепукина. Зелепукин гастролировал в поездах Транссибирской магистрали или пил женское тело в Сочи, в отеле "Дагомыс". А видеотека у него была богатая. И был игровой компьютер.

Кассеты Шеврикука ставил наугад. По причине снабженческой образованности Зелепукин украшал все коробки кассет, даже и с историями инспектора Лосева, английскими словами, для Шеврикуки не всегда доступными. Оттого в просмотрах Шеврикуки случались повторы. Правда, старья Зелепукин не держал. Если только классику порядка "Конана-варвара". На этого Конана (а может — конунга? Все же княжеского рода был там Шварценеггер. Надо бы спросить у обожателя лошадей и средневекового рыцарства) сразу же и напоролся Шеврикука. И не пожалел. Даже растрогался, наблюдая (в который раз) жертвенные действия девы-валькирии. Посидел в тишине и снова завел "Конана-варвара". Музыка, особенно в эпизодах с адским жрецом, казалась знакомой и будто бы взятой в долг, но и она не раздражала Шеврикуку. А потом широконосого Хакмана посылали во Францию отлавливать наркомафию, а он чуть не отдал концы. А потом воспитанный для террора блондин потерял под водой память и, сам того не понимая, исказил замыслы вашингтонских

ястребов. А потом... "Э-э-э! — сообразил Шеврикука. — Уже полшестого".

Лень было идти Шеврикуке на Звездный бульвар, да еще почти к Гознаку, но из приличия он пошел. Не явился Петр Арсеньевич в шесть, не явился в половине седьмого, а без четверти семь Шеврикука, вслух и громко выбранившись, отправился домой. Пустым вышел и его поход новым днем. Необязательным проявлял себя Петр Арсеньевич. "Что я шляюсь из-за этих бумажек! Будет время, сыщу старика", — решил Шеврикука и вернулся в салон Зелепукина.

Снова пошли удовольствия. Теперь терзал негодяев Сталлоне, а упрямый шериф проваливался сквозь стеклянную крышу. Русскими словами чаще говорил за героев человек с тяжелым и неизлечимым насморком, а порой, когда насморк становился совсем уж невыносимым, на экране лишь дергались чухонские титры (фильмы, стало быть, предлагались свежайшие, записанные в балтийских заливах), но и тогда Шеврикука почти обо всем получал представление.

Особенно хороши были для Шеврикуки фильмы о полицейских, отчасти грубоватых и невежественных, но отважных, из-за строптивости обычно попадавших в опалу и отстраняемых от дел. Как рискованно и круто они проводили расследования, в одиночку или в компании с гибким, самоотверженным негром-напарником! Так бы и сидел Шеврикука у телевизора, так бы и наслаждался страшными

тайнами, погонями звездных кораблей, поисками ковчега Моисея, если бы не одно обстоятельство.

Обстоятельство это заключалось вот в чем. Зелепукин был натурой широкой, но экономической. Пустот в кассетах не допускал. Но в паузах писал не мультики, а секс. Эстетический, житейский, учебный — со сменой комбинаций и компаний, фигурный, всякий. Были у него кассеты, полностью отпущенные картинам любовных искусств. Иные — для себя. Иные, позабористее, — уготованные на продажу ценителям кавказским и туркестанским. Шеврикука поначалу, полеживая на диване и имея в руках щиток дистанционного управления, кнопками заставлял ремесленников любви, чтобы не мешали детективам, мелькать, кувыркаться и в мгновения бесследно исчезать. Но потом ему словно бы лень стало издеваться над ними, он их уже не подгонял и от экрана при этом не отворачивался. Тогда ему пришло на ум: "А не подняться ли к Легостаевой?" На ум! Если бы на ум!

Шеврикука и ножом тыкал себя в живот, пытаясь болью умерить пыл. И прекращал просмотры. И отвлекал себя, включив компьютер, игрой "тетрис", проводил медведя мимо ульев к водокачке, а все время выскакивал пасечник с дубиной, и его надо было избегать. Не помогало. Шеврикука снимал со стены гитару и пел: "Звериной тропой Забайкалья..." Перевирали слова, чтобы вышло

больше зверства. Толку никакого. Брал тома кооперативных детективов, буквы покрывало туманом, а ценимый Шеврикукой приватный сыщик Арчи Гудвин не мог выстрелить из тридцать восьмого калибра. Всё в Шеврикуке было возбуждено и не вопрошало, а требовало: "А не подняться ли нам к Денизе?!"

Дениза, она же товарищ Нина Денисовна Легостаева, просившая Шеврикуку отчего-то называть ее в мыслях Денизой, жила тремя этажами выше. Легостаева вела в культурном институте общественные дисциплины. В прошлом году она дважды вызывала милицию с жалобами на домового. Жалобы были схожие. Из заявлений Легостаевой выходило, что местный домовый — сексуально озабоченный и нападал на нее с целью произвести надругательство. Милиционеры удивлялись, но составляли протоколы.

Шеврикуку вранье Легостаевой не злило, — напротив, оно было отчасти лестно. Так или иначе, женщина признавала де-факто существование его и его сословия, пусть и таинственное, а вызовом представителей власти (грозила, если не разберутся, звонить самому полицмейстеру) и словами об уголовном деянии возносила Шеврикуку и в юридическое состояние.

Большинству же населения были безразличны домовые и их заботы. Но хоть это большинство уже не относилось к Легостаеву к потерявшим крышу, как было раньше, ее

расспрашивали со вниманием, фотографировали в квартире в местах нападения, показывали по московскому каналу, — правда, там специалист пусть и соглашался с возможностью полтергейста, все же тонко подвел зрителей к мысли об изголодавшемся инопланетянине. Но Шеврикука-то знал, кто изголодался. Легостаева подавала знак ему. Она проклинала его. Она ревновала его. Она молила его! Она ждала. Крайность состояния вынуждала её звонить в милицию.

Обязан сообщить, что Легостаева была страшила. Причем страшила в окулярах-директивах. На такую взглянешь вскользь и пожелаешь отвернуться. А Шеврикука видел фотографии Легостаевой в школьной форме. И ничего. Девочка как девочка. Милая даже мордашка. Шеврикука был убежден, что физиономию Легостаевой перекорежили общественные дисциплины. Нос, рот растянул, а потом и скукожил диалектический материализм. Из скул, ушей, бровей выпирали истматы, базисы, надстройки, прибавочные стоимости, третий и четвертый постулаты Канта. В глазах угрюмо тлело презрение к эмпириокритицизму. Но тело Легостаевой не знало общественных дисциплин.

Какое это было тело! Тело ее, скрытое безвкусными тряпками, не видел никто. А Шеврикука видел. Оно было неопишуемой красоты. Хотя при чем тут красота? В нем предощущались иные достоинства. Красота,

полагал Шеврикука, должна волновать художника. А он был не художник, а экземпляр мужского пола. И его влекло. В Легостаевой же в ее тридцать восемь лет все бурлило, kloкотало и жаждало утоления страстей.

Как все вышло у них впервые, расскажу, если представится случай. Замечу только, что в Перечне Услуг домовых значилось среди прочего и "Утоление страстей квартиросъемщиков". А потому Шеврикука после общений с Легостаевой, — не частых, отмечу, — разъяснял себе (нужда возникала), что по отношению к Гликерии дурного он не совершил. Такой Перечень. К тому же добавлял: мало ли какие услуги в Перечне привидений, он их не знает и знать не хочет. И добавлял: к Легостаевой он ходит не из чувств, а из жалости.

Замечу еще: Легостаева дала понять, что страсть желает утолять с домовым (имя Шеврикука ей не было известно) невидимым, но с осязаемым и осязанным. То ли в грезах ее было это нашептано, то ли имелись к тому гуманитарные основания. Ну и ладно. Шеврикуку пожелание устраивало.

Но дома ли теперь сидела Легостаева? Возбужден Шеврикука был так, что мог сейчас дать повод для третьего вызова милиции. Но принесся бы к Легостаевой, а ее нет. Сгорел бы подъезд. Шеврикука набрал номер, подышал тяжело и услышал: "Приходи... Умоляю... Приходи... Через. полчаса..."

Через полчаса!

За полчаса можно было бы добраться и до Совокупеевой. Но нет, ни Совокупеева, ни тем более Гликерия не были сейчас нужны. Следовало вытерпеть полчаса и подняться именно к Легостаевой.

И поднялся.

Произвел шум. Гремел кастрюлями, скреб по полу щеткой. Давал Легостаевой знаки: он явился. Услышал взволнованное: "Ты пришел... Милый... Но не спеши... Подымись кверху... К потолку... К небу... Пролейся сегодня золотым дождем... Будь сегодня нежным... И не спеши... Я позову..."

Ага. Пролейся золотым дождем. Он, значит, нынче будет Зевс, а она — Даная. И еще. Просьба не спешить и проявить себя нежным. В прошлый раз потребовала немедленно стать грубым ненасытным самцом, и теперь небось через десять минут возжелает грубого самца. Представления Денизы о любовных утехах, возможно, были лишь литературно-исторические (хотя девушкой ее Шеврику не застал). Чувственные удовольствия ей нравилось размещать в отдаленно известных сюжетах. Однажды она пожелала стать Жанной д'Арк, совращаемой вероломно подосланным к ней монахом. Монах этот, как выяснилось в дальнейшем, оказался не только иезуитом, но и извращенцем. Потом Легостаева была революционеркой, собиравшейся убить царя, но

пойманной и брошенной в одиночную камеру Петропавловской крепости. Приходил и пытал ее следователь Бекашин (и фамилию придумала), поначалу льстивый и сахарный, затем жестокий. И он в дальнейшем оказался извращенцем. Шеврикука полагал, что сюжеты эти вызваны стараниями морально послушной Легостаевой уговорить в просветленно-трудовые дни саму себя и совместить ее представления о всемирном развитии с несовершенствами грешного тела. Позже к ней, уже царевне Софье, пробирался в Кремль подземным ходом из своих охотнорядских палат князь Василий Васильевич Голицын.

Истории вспоминались Легостаевой драматические, в них неподалеку свирепела гибель; возможно, и в ее близости для Денизы отыскивались оправдания. Но Даная?.. В судьбе дочери аргосского царя Акрисия, пожалуй, было благополучие. Хотя папаша и запирает ее в медном тереме под землей, чтобы не имела ухажеров, — ему пообещали смерть от руки внука. Но потом-то не ей снес голову диском на Олимпийских играх сынок Персей, а именно несчастному деду Акрисию. Если правильно помнил Шеврикука. Впрочем, это было их дело и дело Денизы, а Шеврикукино дело было теперь парить под потолком невидимым Зевсом.

Он парил и даже производил громохвосты в небесах, — правда, не громкие, чтобы не испугать жителей своих подъездов. Легостаева

включила лампу, стоявшую у дивана, прошептала:

— Милый... я жду... пролейся золотым дождем.

И стал Шеврикука золотым дождем. Но и как было предложено, опускался золотыми градинами неспешно, словно и не градинами, а листьями или лепестками, направляемыми вниз смирным ветром. А потому и успел рассмотреть женщину. Легостаева лежала нагая, откинув легкое одеяло и приняв позу рембрандтовской Данаи. Очки она, правда, не сняла (и это Шеврикуку не расстроило), а у запястий ее краснели браслеты, не столь дорогие, наверное, как у аргосской царевны, скорее всего, пластмассовые, но и они не вызывали у Шеврикуки досады. Прекрасным все же природа одарила женщину телом. И груди ее были хороши. И бедра, и живот, над пушистым холмом в меру полный, обещали удовольствия. И запахи ее кремов устраивали Шеврикуку (вспомнилось ему, как при нём Невзора-Дуняша натирала Гликерию благовониями, но при чем, при чем была теперь Гликерия, она утонула в прошлом!). Легостаева, видно, этим летом плавала и ныряла, нежилась у водоемов в бикини — белые полосы кожи были Шеврикуке приятны. "Ба, да у нее на шее след от цепочки. Может, стала надевать крест? — предположил Шеврикука. — А сейчас засмущалась и сняла?"

Впрочем, не его это была забота. "Вот ты уже здесь... Вот ты уже меня коснулся, — шептала Легостаева в истоме. — Какой ты нежный... Не становись пока большим... Побудь маленьким... Маленьким-маленьким... Одной каплей... Одной золотой горошиной... Побудь здесь..." Было указано место для горошины: в ущелье меж полушарий грудей. Пальцы Легостаевой касались Шеврикуки, катали его по белой коже. "А теперь становись большой и тяжелый... обними меня всю... всю... войди в меня и займи меня всю... всю!" Золотая горошина исчезла, а невидимый, но осязаемый и ощутимый Шеврикука разросся, огрубел, стал огромным, чуть ли не в полкомнаты, объял Легостаеву и вошел в нее...

(продолжение предполагается)

А.Прийма

Песенка для двух голосов

От редакции: это стихотворение было продиктовано А.Прииме, по его словам, им самим из его будущего.

*

"I love you,
прости мне это...
I love you..."

— Не дури...

Дай твою я сигарету докурю.

— Докури...

Я сверну её из писем,
— из твоих...

— Дать огня?

Словно листья,
вспыхнут письма,
— для двоих...

— Для меня...

В Таганроге мы когда-то —
на бульвар...

— Или в лес...

Даты,
даты,
аты,
баты...
календарь...

— Стёрся весь...

Словно тапки,
стёрлись письма;
к лепестку -

— *Лепесток...*

В моей папке, детка,
выцвел
адресок...

— *Адресок...*

* * *

Оборачиваюсь.
Нету.
Пустота.

— *И пускай...*

Тай, как тает сигарета
возле рта!..

— *Сам ты тай...*

Что ж, растаю
в дымке лета,
и спою...

— *Нет, я спою:*

"I love you,
прости мне это...
I love you..."

— *And I love you...*

* * *

**Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.**

Э. Ананиашвили

Цитата номера:

Жена учит собаку стоять на задних лапах. Муж скептически говорит:

- Э, всё равно ничего не получится.

Жена отрезает:

- Ты тоже сначала не слушался!

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ

< И Б И С >

№ 28

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000. Выпускается на личные средства издателя. Соответствует примерно 100 бумажным полосам формата А5 кеглем Arial-11. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла журнал целиком (либо отдельными статьями в виде *.doc-файлов) бесплатно предоставляется на почтовом сайте www.mailru.com и далее по адресу eugenelev@fromru.com (пароль — academia).

Цена дискеты с одним номером журнала — 30 руб.

С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо установить режим разметки страницы («Print Layout View»), 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы. Реквизиты редакции:

Тел.: (095) 493-54-87

E-mail: eugenelev@fromru.com

**"Следует
всеми
силами
продвигать
знания о Тонком
мире."**

Агни Йога